

КІЕВСКІЕ ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ.

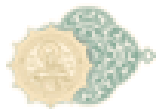
Состоявшійся въ Кіевѣ въ прошломъ мѣсяцѣ сентябрѣ, по мысли высокопреосвященнаго м. Платона, съѣздъ епископовъ представляетъ собою явленіе, давно небывалое въ Русской церкви. Имѣя видъ помѣстнаго собора, съѣздъ архиепископомъ вызываетъ назидательныя воспоминанія, возбуждаетъ укрѣпляющія надежды. Последнія уяснятся и могутъ быть предметомъ размышленія, когда станутъ извѣстны плоды совѣщаній съѣзда. Теперь же, въ панутствіе къ размышленіямъ о недавнемъ Кіевскомъ соборѣ, напомнимъ о соборахъ, бывшихъ у насъ въ минувшіе вѣка, ограничиваясь впрочемъ только тѣми, какіе имѣли мѣсто въ Кіевѣ.

Въ ту пору, когда основалась Русская церковь, обычай помѣстныхъ соборовъ еще довольно твердо держался какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, какъ обычай каноническій, освященный примѣромъ всей христіанской церкви, начиная съ первыхъ вѣковъ ея. Еще держались въ обычай помѣстные соборы въ митрополіяхъ, хотя и не ежегодно, какіе требовались болѣе древними правилами церкви. Въ Царьградѣ при патриархѣ еще съ 5 вѣка существовалъ *συνόδος ἐκκλησιαστικὴ*, т. е. постоянный соборъ изъ епископовъ, пріѣзжающихъ въ столицу, пребывающихъ въ столицѣ. Этотъ постоянный соборъ долженъ былъ со временемъ повліять и дѣйствительно повліялъ на уменьшеніе нарочитыхъ, повременныхъ соборовъ, но не на прекращеніе ихъ. Такіе соборы, по особенно важнымъ случаямъ, продолжали созываться въ Константинополь, благодаря и самой силѣ

преданія о соборахъ болѣе давняго времени. Отъ Греціи обычай помѣстныхъ соборовъ и соборныхъ совѣщаній перешелъ и къ Русской церкви. Обыкновенными соборами ея были соборы для избранія епископовъ и особенно для поставленія ихъ, которае, по канонамъ, должно было совершаться двумя или тремя епископами, но очень нерѣдко совершалось и бѣльшимъ числомъ епископовъ. Но кромѣ этихъ обыкновенныхъ соборовъ были у насъ соборы, такъ сказать, чрезвычайныя—по церковнымъ дѣламъ общаго значенія и особенной важности. На этихъ соборахъ мы остановимся.

Первымъ соборомъ русской церкви можетъ считаться соборъ 991 г. Въ этомъ году прибыли изъ Греціи въ Кіевъ приславише, по просьбѣ св. Владиміра, патріархомъ Николаемъ Хрисовергомъ м. Леонтій и епископы. Просвѣтитель Россіи приступилъ къ введенію въ ней церковнаго управленія чрезъ учрежденіе въ ней епископскихъ кафедръ и епархій¹⁾. Теперь оно являлось дѣломъ чрезвычайной важности и всеобщаго значенія, какъ учрежденіе первыхъ кафедръ и епархій, полагавшее начало устройству церкви въ цѣлой странѣ русской, гдѣ новымъ епископамъ предстояло довершать дѣло самаго просвѣщенія Руси христіанствомъ, приводить къ вѣрѣ и св. крещенію населенія своихъ епархіяльныхъ городовъ и областей. Естественно, что все это требовало обсужденій и совѣщаній въ собраніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто при прежнихъ совѣщаніяхъ св. Владиміра съ боярами и старцами о принятіи самой вѣры отъ Грековъ. Теперь въ этихъ собраніяхъ присутство-

¹⁾ Древняя новгородская лѣтопись относитъ поставленіе первыхъ епархіяльных епископовъ или, что то же, учрежденіе первыхъ епархій къ 991 г., говоря, что въ этомъ году прибылъ въ Русь м. Леонтій, посланецъ верный новгородскій епископъ Іоакимъ Корсунянинъ, были посланы епископы и по другимъ городамъ. Никоновская лѣтопись и Степенная книга относятъ учрежденіе м. Леонтіемъ первыхъ епископскихъ кафедръ и епархій къ 992 г. Очевидно, что важное и новое дѣло началось въ 991, а кончилось въ 992 г.

вали митрополитъ и епископы. То были уже собранія церковнаго собора. Первое мѣсто на соборѣ принадлежало, безъ сомнѣнія, самому начпнчителю святаго дѣла. Просвѣтитель Россіи, здѣсь—на первомъ соборѣ русской церкви, напоминалъ собою св. царя Константина на первомъ вселенскомъ соборѣ. Весьма вѣроятно, что въ совѣщаніяхъ участвовали также бояре и старцы земскіе, какъ участвовали они въ прежнихъ совѣщаніяхъ о принятіи вѣры, какъ участвовали вообще въ княжеской думѣ объ устройствіи земскомъ и уставахъ земскихъ. Между боярами, особенно изъ варяговъ, могли находиться бывальцы Цареграда, жившіе тамъ по долгу, знакомые съ греческою рѣчью. Они то могли служить посредниками при объясненіяхъ св. Владиміра съ греческими іерархами, хотя впрочемъ греческая рѣчь могла быть несопѣвъ чуждою и самому Владиміру, женатому на греческой царевнѣ. Само собой понятно, что митрополиту и епископамъ были объяснены мысли государя объ учрежденіи каедръ и епархій и выслушаны совѣты ихъ по этому дѣлу, какъ лицъ не только болѣе знающихъ, болѣе просвѣщенныхъ, но и какъ призванныхъ исполнить мысли и желанія св. Владиміра и положить въ своемъ лицѣ начало церковному управленію въ землѣ русской. Каедрою митрополита назначенъ не Кіевъ, а Переяславъ. Это помѣщеніе каедръ митрополита не въ столицѣ государства, а отдѣльно въ другомъ городѣ, имѣло предъ собою примѣръ Болгаріи. По всей вѣроятности, оно означало также предоставленіе митрополиту Переяслава въ полную власть и собственность—на его содержаніе, которое такимъ образомъ хорошо обезпечивалось¹⁾. Но также вполне вѣроятно, что Кіевъ

¹⁾ Последнее можетъ доказываться и тѣмъ, что Владиміръ, при двукратномъ распредѣленіи между сыновьями удѣльныхъ городовъ близкихъ и далекихъ ни разу и никому не назначалъ Переяслава, что Переяславъ получилъ удѣлашаго князя только при Ярославі, послѣ перенесенія митрополіа (въ Кіевъ), что наконецъ въ Переяславской области и по учрежденіи здѣсь особой епархій продолжалъ принадлежать митрополиту Кіевскому городѣ Сивелца,

причислялся къ епархіи митрополита. Затѣмъ учреждены каѳедры въ важнѣйшихъ городахъ съ распредѣленіемъ ихъ между прибывшими изъ Греціи или вновь поставленными на самомъ соборѣ епископами. Въ Новгородѣ назначенъ епископъ Іоакимъ Кореунининъ, въ Ростовѣ—Иларіювъ, въ Черниговѣ—Неофитъ, въ Владимірѣ Волынской—Стефанъ, въ Вѣлгородѣ—Никита ¹⁾). Назначеніе епископской каѳедры въ небольшомъ селѣднемъ съ столицей городкѣ Вѣлгородѣ можетъ объясняться тѣмъ, что это былъ любимый городокъ Владиміра, который въ слѣдующемъ 992 г. построилъ здѣсь крѣпость, что бѣлгородскій епископъ, по близости къ Києву, могъ быть помощникомъ митрополита въ управленіи, какъ бы викаріемъ его, и пріѣзжать въ Кіевъ для служеній въ замѣнъ митрополита, жившаго далѣе отъ Кіева. Есть возможность предполагать, что тогда же или нѣсколько послѣ при Владимірѣ же учреждены были еще двѣ или три каѳедры съ поставленіемъ для нихъ епископовъ. Малое число каѳедръ—восемь или девять на всю Россію—представляло собою явленіе, весьма отличное отъ того, что бывало въ Греціи, гдѣ епископы были во всѣхъ городахъ. Надо полагать, что трудность обезпечить содержаніе епископовъ была одною изъ главныхъ причинъ малочисленности каѳедръ, впервые учрежденныхъ при Владимірѣ, и слѣдовательно чрезвычайной обширности первыхъ епархіалъ въ Россіи; но, разъ ставши особенностію епархіальнаго устройства нашей церкви, это дѣло собора 991 г. и вообще вѣка св. Владиміра стало правиломъ на послѣдующіе вѣка.

За назначеніемъ каѳедръ и епископовъ должно было послѣдовать сваяженіе и отправленіе ихъ въ епархіальные города. Можно полагать, что одновременно съ этимъ состоялось первое распредѣленіе Владиміромъ удѣловъ между сыновьями, а затѣмъ и первая разсылка ихъ по удѣльнымъ городамъ, что это земское дѣло было также пред-

¹⁾ Имъ на посылкухъ, крѣпъ, аруфанъ, тѣмъ, въ послѣднѣхъ, изъяснѣмъ.
 Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинаріей.
<http://kdais.kiev.ua>

метомъ совѣщаній Владиміра на соборѣ 991 г., такъ что соборъ этотъ имѣлъ характеръ *церковнаго и земскаго собора*, что епископы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, отъправились въ свои города вмѣстѣ съ сыновьями Владиміра, чтобы совмѣстно съ ними устраивать и церковное и земское дѣло въ городахъ и областяхъ русскихъ, что для охраны и помощи молодымъ князьямъ и епископамъ даны надежныя изъ бояръ съ отрядами дружинъ, также какъ и средства для устроенія дѣла церковнаго и земскаго¹⁾.

Но соборъ 991 г. участвовалъ еще въ одномъ важномъ дѣлѣ. Въ этомъ году, по древней лѣтописи, пришли къ Владиміру греческіе мастера строители, и начато строеніе великой каменной церкви Пресвятой Богородицы. Эти строители пришли, конечно, вмѣстѣ съ м. Леонтіемъ и епископами. А церковь, начатая ими, имѣла бытъ, по мысли Владиміра, первою по своему величію, богатству и красотѣ, главною соборною церковью не только для Кіева, но и для всей русской земли. Само собой понятно, что закладка или основаніе такой церкви совершилось торжественно, съ церковнымъ освещеніемъ, съ участіемъ въ томъ митрополита и собора, что оно сопровождалось великимъ пиромъ, какой данъ былъ храмоздателемъ и любителемъ праздничныхъ пировъ св. Владиміромъ для митрополита, епископовъ, духовенства, бояръ и старцевъ и для народа.

¹⁾ Степенная книга (1.153) говоритъ, что в. князь Владиміръ „совѣщашъ предварительно благій совѣтъ съ м. Леонгіемъ, ежебы раздѣлити ему землю Русскую въ наслѣдіе сыновьямъ своимъ и устроить во градѣхъ епископы во исполненіе благочестія“, и что потомъ, послая каждаго изъ сыновей въ назначенный ему удѣлъ, заповѣдала имъ болѣе всего заботиться объ утверженіи Хр. вѣры и въ семъ дѣлѣ „созѣтовати съ епископомъ“. Вѣроятно, это собственное домысленіе автора Степенной книги, но домысленіе удачное, естественное. Начальная лѣтопись первое раздѣленіе Владиміромъ удѣловъ сыновьямъ пріурочиваетъ къ 988 г., какъ дѣло, слѣдовавшее за дѣлами радомъ другихъ дѣлъ Владиміра, совершавшихъ въ тою же году, начиная съ похода на Корсунь. Но единичное освѣщеніе, что хронологія заки и лѣтописной здѣсь произвольна и ненадежна.

Ко времени собора 991 г. относится еще одно событие, упоминаемое в поздних летописях. Это прибытие в Киев пословъ отъ папы и затѣмъ отправленіе Владиміромъ своихъ пословъ къ нему. Если это извѣстіе вѣрно, то время прибытія папскихъ пословъ было удобное для Владиміра и русской церкви. Послы застали въ Кіевѣ цѣлый соборъ греческихъ іерарховъ съ митрополитомъ во главѣ. Было кому повести бесѣду съ послами о вѣрѣ. И представляется вѣроятнымъ, что эта бесѣда ведена была по желанію Владиміра и въ его присутствіи. Плодомъ и памятникомъ этой бесѣды и можетъ почитаться извѣстное посланіе митрополита Леонтія къ латинамъ, заключающее въ себѣ главнымъ образомъ обличеніе латинскаго обычая совершать евхаристію на опрѣсновахъ, но также и нѣкоторыхъ другихъ латинскихъ ученій. Форма посланія, обращеннаго именно „къ мужамъ римскимъ“, даетъ поводъ заключать, что это посланіе, плодъ устной бесѣды, было потомъ изложено и отправлено въ Римъ съ отвѣтнымъ посольствомъ отъ Владиміра къ папѣ. Впрочемъ въ тѣхъже позднихъ летописяхъ Никоновской, Степенной книгѣ есть извѣстіе о послахъ отъ папы къ Владиміру подъ 1000 г. и послахъ отъ Владиміра въ Римъ подъ 1001 г.

Вторымъ соборомъ времени св. Владиміра слѣдуетъ считать соборъ 996 г. Къ этому году окончена начатая въ 991 г. постройка соборной церкви Пресвятой Богородицы. Это было величественное, небывалое на Руси, истинно монументальное созданіе благочестиваго князя, блиставшее богатствомъ, искусствомъ, святynieю и красотой. Понятны радость Владиміра, видѣвшаго окончаніе своего величественнаго дѣла и его желаніе совершить освященіе церкви со всею торжественностію. По его призыву прибыли въ Кіевъ митрополитъ Леонтій и епископы и соборомъ совершили освященіе церкви въ присутствіи князя, бояръ и старцевъ людскихъ и многочисленнаго народа. Днемъ освященія было 12 мая и, по примѣру греческой церкви, на

который, безъ сомнѣнія, указали Владиміру русскіе святи-
тели—греки, день этотъ принято ежегодно праздновать
въ новоосвященной церкви. Въ новую церковь теперь же,
какъ надо думать, положены мощи св. Климента, а можетъ
быть также торжественно перенесены и мощи св. Ольги съ
установленіемъ ежегоднаго поминованія или чествованія
ея въ день кончины ея 11 іюля¹⁾). Духовный восторгъ бла-
гочестиваго князя на торжествѣ освященія церкви выразился
въ его молитвѣ, занесенной въ лѣтопись. По торжествѣ
освященія церкви Владиміръ назначилъ ей десятину, давъ
на это и запись. Весьма вѣроятно, что въ связи съ этою
записью, данъ былъ въ главныххъ чертахъ и тотъ уставъ
церковный, обсужденный совмѣстно съ митрополитомъ и
соборомъ, который въ древнѣйшемъ спискѣ устава, возводится
ко времени м. Леонтія. Въ томъ же году, въ присутствіи епи-
скоповъ, Владиміръ праздновалъ освященіе церкви Преоб-
раженія въ Васильевѣ, построенной или начатой строеніемъ,
по благодарственному обѣту за избавленіе отъ нападенія
Печенѣговъ, а затѣмъ, возвратясь въ Кіевъ, при стеченіи
безчисленнаго народа, праздновалъ день Успенія Божіей
Матери пиромъ и раздачей богатыхъ милостыней. Послѣ
этого слѣдовало совѣщаніе съ епископами, описанное въ
лѣтописи такъ: „умножились разбои и епископы сказали
Владиміру: почему не казнишь разбойниковъ? Князь отвѣ-

¹⁾ О присутствіи митрополита и епископовъ при освященіи Десятинной
церкви говорятъ опять только поздніи лѣтописи. Но ихъ свидѣтельство или до-
мышленіе подкрѣпляется и вслѣдствіемъ начальной лѣтописи о *присутствіи епи-
скоповъ въ Кіевъ въ годъ освященія церкви*. Перенесеніе мощей Климента въ
Десятинную церковь естественнѣе всего отнести ко времени окончанія и освя-
щенія церкви. Такъ же слѣдуетъ думать о перенесеніи въ эту церковь мощей
св. Ольги, еслибы даже и не придавать значенія *извѣстія* обильному разсказу
о томъ. Степановой книги. Вообще слѣдуетъ полагать, что упоминаемый въ на-
чальной лѣтописи подъ 996 г. съѣздъ епископовъ состоялся не для совѣта о
разбойникахъ, по поводу котораго онъ упоминается, а именно для торжества
освященія Десятинной церкви, и что совѣтъ являлся дѣломъ добавочнымъ,
случайнымъ.

чаль; боюсь грѣха. Епископы сказали: ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а на милословіе добрымъ; достоинъ тебѣ казнить разбойника, по съ исцеленіемъ. Послушавъ такого совѣта, Владиміръ отмѣнилъ виру (т. е. денежныя пени за разбой) и сталъ казнить разбойниковъ. Но потомъ епископы и старцы сказали Владиміру: рать многая бываетъ въ Руси; такъ пусть сборы съ виру идутъ на коней и оружіе. Владиміръ сказалъ: пусть будетъ такъ⁴. Помянуто, что перемѣна въ совѣтахъ епископовъ о мѣрахъ противъ разбойниковъ произошла послѣ новаго совѣщанія ихъ съ *земскими старцами*, которые вмѣстѣ съ епископами и даютъ второй совѣтъ Владиміру. Такъ еще при Владимірѣ полагался и утверждался обычай церковно-земскихъ собраній и совѣщаній, извѣстный и въ послѣдующіе вѣка. Можно полагать, что при Владимірѣ еще не одинъ разъ собирались въ Кіевѣ митрополитъ съ епископами для церковныхъ торжествъ, при чемъ открывалось мѣсто и для совѣщаній ихъ съ княземъ и между собою по дѣламъ вѣры и церкви въ новопросвѣщенной странѣ. Такъ подъ 1004 г. Никоновская лѣтопись упоминаетъ о еретикѣ (вѣроятно богомилѣ зашедшемъ изъ Болгаріи) Адріанѣ инокъ и скопецъ, и о томъ, что митрополитъ Леонтій обличилъ его и посадилъ въ темницу и что Адріанъ потомъ раскаялся. Степенная книга прибавляетъ, что митрополитъ обличалъ еретика *соборнѣ*, что и естественно, ибо, какъ грекъ, онъ дѣйствовалъ по обычаямъ греческой церкви, гдѣ всякая ересь обличалась *соборнѣ*. () частыхъ съѣздахъ епископовъ на церковныя торжества при Владимірѣ можно заключать и изъ свидѣтельства Іакова монаха (въ „Похвалѣ“ Владиміру), что „празднику свѣтло Господни праздники“, щедрый и хлѣбосольный князь „ставилъ три трапезы: *первую митрополиту со епископы*, черноризцы и попы, вторую *вищимъ и убогимъ*, третью *сѣбѣ и боярамъ своимъ и всѣмъ мужамъ своимъ*“.

При Ярославѣ, безъ сомнѣнія, происходили съѣзды ближайшихъ епископовъ напр. для хиротоній, а можетъ

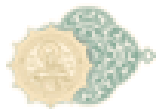
быть и для освященія строимыхъ имъ храмовъ, особенно Софійскаго храма, при которомъ „устанавлива“ и перенесенная изъ Переяслава митрополія¹⁾. Но важнѣйшимъ соборомъ былъ *соборъ 1051 г.*, на которомъ, по волю Ярослава, соборомъ русскихъ епископовъ поставленъ митрополитъ Иларіонъ изъ русскихъ, а не грековъ, и собственно властью собора русской церкви, а не властью Константинопольскаго патріарха. Единовластвовавшій на Руси Ярославъ, въ сознаниі своего достоинства и своей силы, могъ сдѣлать это безъ затрудненія. А прямымъ побужденіемъ къ тому было для него то, что онъ имѣлъ достойнѣйшаго по высокому просвѣщенію и благочестію избранника на митрополію въ лицѣ пресвитера Иларіона, котораго и захотѣлъ почитать саомъ митрополита, тѣмъ болѣе, что Иларіонъ былъ близокъ къ Ярославу, какъ его придворный священникъ. Памятникомъ торжества посвященія Иларіона есть превосходное исповѣданіе Иларіона, читаемое на соборѣ предъ поставленіемъ, какъ первый опытъ собственно русскаго догматическаго изложенія вѣры. Новый митрополитъ былъ, въ присутствіи Великаго князя, на столванъ, т. е. возведенъ епископами въ Софійскомъ храмѣ на свой первосвятительскій *столъ* (θρόνος) или каедру и привѣтствуемъ провозглашеніемъ его епархіи и цѣлованіемъ.

1) Предположеніе о сѣздахъ при Ярославі сѣдуетъ однако ограничить,—и прежде всего—по молчанію объ этомъ не только древнихъ, но и позднихъ лѣтописей. Даже въ Несторовомъ „Житіи св. Борвса и Гльба“ въ разсказѣ о перенесеніи мощей ихъ въ Вышгородъ (ноябрь 1020 г.) упоминается только о митрополитѣ Іоаннѣ и поновствѣ, но не епископахъ. Никоневская и Степенная книга не рѣшаются прибавлять епископовъ и, конечно, не напрасно. Скорѣе можно предполагать сѣзды съ 1036 г., въ которомъ Ярослави сталъ единовластцемъ, и въ которомъ поставленъ, конечно, соборомъ Новгородскій епископъ Лука Жидата. Ярославъ, по лѣтописи, „любилъ поны, превзяха же, черноризцы“, но онъ не походилъ на отца любовью къ большимъ праздничнымъ собраніямъ, на которыхъ Владиміръ, по свидѣтельству Іакова монаха, ставалъ трапезу митрополиту и епископамъ. Ярославъ не былъ хлѣбосоломъ и стылъ даже скупымъ.

Тогда же онъ совершилъ 26 ноября освященіе церкви св. Георгія и съ соборомъ установилъ праздновать день освященія. Тогда же князь съ митрополитомъ и, конечно, соборомъ устави́ли совершить въ ней насто́лованіе и ново-поставимымъ епископамъ¹⁾.

Поставленіе м. Иларіона не стало впрочемъ примѣромъ для ближайшаго времени, такъ что митрополиты опять стали назначаться къ намъ изъ Греціи, гдѣ, надо полагать, и позаботились объ возстановленіи усвоеннаго патріархіею права избирать и поставлять для Россіи митрополитовъ. Въ дѣлѣ соборовъ это обстоятельство весьма важно. Если бы митрополиты *избирались и поставлялись* или даже *только избирались* въ Россіи (чтобы затѣмъ отправиться въ Грецію для поставленія, какъ было у насъ нѣкоторое время потомъ), то это необходимо требовало бы созыва общихъ соборовъ избирательно-хиротонійныхъ или только избирательныхъ, если не каждый разъ по смерти митрополита, то все-таки часто. Такіе соборы или съѣзды епископовъ могли бы открывать мѣсто для совѣщаній и по другимъ дѣламъ церкви, могли бы вообще вѣять на укрѣпленіе обычая епископскихъ съѣздовъ. Но, какъ увидимъ далѣе, тогдашней раздробленной послѣ Ярослава Руси не въ пору было пользоваться такимъ благомъ. Волею или неволею она должна была отказаться отъ предоставленнаго канонами митрополитнымъ областямъ права избирать митрополитовъ изъ своихъ и соборомъ своихъ епископовъ, и получать ихъ изъ Греціи и грековъ. Поэтому послѣ собора 1051 г. долго не было у насъ подобныхъ ему общихъ соборовъ. Но были соборы или съѣзды не большіе. Не говоря здѣсь о само собою подразумѣваемыхъ для поставленія епископовъ и о вѣроятныхъ съѣздахъ послѣ пріѣзда новыхъ митрополитовъ для представленія имъ, за благословеніемъ отъ нихъ — обозначимъ соборы или съѣзды по какимъ либо особеннымъ случаямъ. Таковы:

¹⁾ Проложное сказаніе остроенія Георгіевской церкви съ замѣчаніями у пресв. Макарія. Ист. Русск. Церкви т. I, стр. 67 и 275. Изд. 2-ое.

Соборъ или съѣздъ 1072 г. по случаю торжества перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба изъ старой въ новую церковь въ Вышгородѣ. На торжество, при безчисленномъ стеченіи народа съ разныхъ областей русскихъ, собрались старшіе князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи, многіе молодые, митрополитъ Георгій, епископы черниговскій, перемышльскій, бѣлгородскій и юрьевскій, множество духовенства и иноковъ съ игуменами во главѣ, въ числѣ ихъ и преп. Феодосій Печерскій. Безъ сомнѣнія, послѣ торжества, *соборны* установленъ и новый праздникъ въ честь св. Князей 2 Мая (день перенесенія) въ дополненіе къ прежнему празднику 24 Юля, установленному при м. Іоаннѣ I и князѣ Ярославѣ.

Соборъ или съѣздъ 1089 г. на торжество освященія великой Печерской церкви. Оно совершено 14 августа м. Іоанномъ II съ епископами черниговскимъ Іоанномъ, ростовскимъ Исидоромъ, юрьевскимъ Антоніемъ и бѣлгородскимъ Лукою, которые едва ли не всѣ были изъ пострижниковъ Печерской обители и хотѣли утѣшиться торжествомъ освященія великолѣпной, небеси подобной, церкви въ родной имъ обители. По лѣтописи, м. Іоаннъ II былъ замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ митрополитовъ Грековъ. „Былъ онъ мужъ искусный въ книгахъ и ученіи, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому, богатому и бѣдному, смиренъ, кротокъ, обладалъ даромъ слова, утѣшалъ печальныхъ святыми бесѣдами и былъ вообще таковъ, какого и прежде не было на Руси и послѣ не будетъ“. Необходимо предполагать, что просвѣщенный и ревностный первосвятитель былъ дѣятеленъ и въ управленіи, любилъ видываться и совѣщаться съ епископами для блага церкви и что съ этою цѣлю онъ созывалъ ихъ на соборы. Это дастъ заключать и извѣстное каноническое твореніе его (въ записи отиѣтовъ его, сдѣланной Іаковомъ Монахомъ), въ которомъ есть и правила о соборахъ. Такъ правило 32-е гласитъ: епископовъ, которые не слушаются своего митрополита, *будучи призываемы имъ на со-*

боръ, „посварити оточескимъ наказаніемъ“. Правило 33-ее: „умножать число епископовъ въ русской землѣ, особенно тамъ, гдѣ много народа и городовъ, было бы любезно, но иначе возможно это, какъ если то будетъ угодно первопрестольнику русскому и собору страны“. Въ сказаніи Симона объ освященіи Печерской Церкви 1089 г. замѣчается, что прибывшіе на это торжество епископы сказали м. Іоанну II: „насъ приглашали посланные отъ тебя, и мы не смѣли преслушаться твоего повелѣнія“. Возможно, что упомянутое каноническое твореніе или церковное правило м. Іоанномъ II, если не въ цѣломъ содержаніи своемъ записанномъ Іаковомъ, то въ болѣе общихъ и главныхъ чертахъ передано было первымъ и епископамъ на какомъ либо соборномъ совѣщаніи.

Соборъ или съѣздъ 1091 г. на торжество открытія мощей пр. Θεодосія Печерскаго. Здѣсь были переяславскій епископъ Ефремъ (вѣроятно правившій и митрополіею при отсутствіи тогда митрополита, по смерти Іоанна III), Стефанъ владимірскій, Іоаннъ черниговскій, Маркъ юрьевскій, игумены, иноки и многіе христіане. Послѣдовавшее въ 1098 г. прічтеніе преп. Θεодосія къ лику святыхъ, совершилось, говорить лѣтопись, по напоминаніямъ о томъ со стороны печерскаго игумена Θεоктиста в. князю Святополку, который *повелѣлъ* м. Никифору вписать Θεодосія въ синодикъ, а митрополитъ *повелѣлъ* тоже сдѣлать и по всемъ епископіямъ, и все епископы съ радостію исполнили это. Подобное замѣчаніе лѣтописца какъ будто ведетъ къ заключенію, что могли обходиться безъ собора и въ такомъ важномъ случаѣ, какъ канонизація знаменитаго святого, если впрочемъ вписаніе въ синодикъ можетъ быть понимаемо, какъ канонизація.

Съѣздъ епископовъ 1096 г. Въ этомъ году в. князь Святополкъ и Владиміръ Мовомахъ звали въ Кіевъ безпокойнаго Олега Черниговскаго „да порядъ положимъ о русской землѣ предъ епископами предъ игуменами и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими“. Но гордый князь „воспріимъ

смысль буй и словеса величава, рече сице: ꙗвѣсть мене лѣно судити епископомъ, ли игуменомъ, ли смердомъ, и не восхотѣйти къ братомъ своимъ¹⁾. Этотъ разсказъ лѣтописи напоминаетъ прежде всего о столько извѣстномъ муротворномъ и софѣтливомъ участіи нашихъ митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ, иноковъ и священниковъ въ тогдашнихъ княжескихъ и земскихъ дѣлахъ. Но оно располагаетъ къ предположенію, что въ извѣстныхъ случаяхъ могли созываться нарочитые съѣзды или собранія епископовъ и др. духовныхъ лицъ для участія въ такихъ дѣлахъ.

Съѣздъ 1113 года. Это былъ годъ смерти в. кн. Святополка. Въ слѣдъ за ней въ Кіевѣ произошелъ большой мятежъ въ народѣ, сопровождавшійся гробжею тысяцкаго Путяты, жидовъ, которымъ прежде покровительствовалъ корыстолюбивый князь, и др. Лучшіе кіевляне послали просить Владиміра Мономаха посѣштить въ Кіевъ на великокняжескій столъ. Когда онъ прибылъ въ Кіевъ, то здѣсь встрѣтили его м. Никифоръ съ епископы и со всѣми Кіевлянами съ честію великою; сѣлъ Мономахъ на столъ отца своего и всѣ люди были рады, и прекратился мятежъ²⁾. Быть можетъ съѣздъ этотъ состоялся по случаю бывшихъ около этого времени двухъ епископскихъ поставленій. Но можно предполагать и то, что м. Никифоръ желалъ соборнымъ торжествомъ ознаменоватъ вокняженіе Мономаха, котораго глубоко уважалъ и за личныя достоинства его и по вниманію къ его *царскому происхожденію* по матери — греческой царевнѣ. Существуетъ преданіе о царскомъ вѣнчаніи Мономаха, совершившемся чрезъ принесшихъ царскія регалія греческихъ епископовъ.

Соборъ 1115 г. по случаю торжества втораго перенесенія мощей Св. Бориса и Глѣба въ новую, каменную и большую церковь въ Вышгородѣ. На торжествѣ, съ Моно-

¹⁾ Лавр. 222; Ипат. 16 д. Изд. 1871 и 1872 г.

²⁾ Ип. 198.

махомъ во главѣ, присутствовало много князей, затѣмъ м. Никифоръ, епископы черниговскій Θεоктистъ, переяславльскій Лазарь, бѣлгородскій Никита, юрьевскій Давидъ и полоцкій Мина со множествомъ духовенства, также бояре, старѣйшины отъ всѣхъ краевъ земли русской и несчетное множество народа. По принесеніи рака Св. Бориса въ церковь, возникъ между князьями споръ о мѣстѣ, гдѣ поставить ее, рѣшенный жребіемъ, по предложенію митрополита и епископовъ. Послѣ литургіи, окончившей торжество, былъ трехдневный праздникъ съ великими угощеніями. Послѣ 1115 г. не встрѣчается указаній на выдающіеся сѣзды епископовъ, кромѣ обыкновенныхъ, предполагаемыхъ при обозначаемыхъ поставленіяхъ епископскихъ.

Соборъ 1147 г. Въ этомъ году великій князь Изяславъ Мстиславичъ, только что предъ тѣмъ занявшій Киевскій престолъ, задумалъ устроить поставленіе митрополита изъ русскихъ и соборомъ русскихъ епископовъ. Въ Киевѣ уже два года не было митрополита; бывший митрополитъ Михаилъ Грекъ въ 1145 году уѣхалъ въ Царьградъ и не возвращался оттуда. Случай долгаго отсутствія митрополитовъ въ Киевѣ, за поѣздкой ихъ въ Царьградъ или замедленною присылкою оттуда новаго митрополита на мѣсто умершаго, бывали и прежде, но это обстоятельство само по себѣ могло бы и не дать повода къ поставленію митрополита изъ русскихъ и въ самой Россіи. Но теперь отъѣздъ митрополита представлялъ нѣчто особенное. Митрополитъ Михаилъ былъ однимъ изъ хорошихъ митрополитовъ. Не одинъ разъ онъ принималъ участіе въ усмиреніи ссорившихся князей; первый изъ митрополитовъ проявилъ свое вліяніе въ утишеніи волненій въ Новгородѣ и, сколько извѣстно, первый предпринималъ поѣздку изъ митрополіи въ далекій Новгородъ для успокоенія города. По время его было труднымъ, вслѣдствіе до крайности усложнившихся княжескихъ споровъ и усобицъ. Ставъ митрополитомъ при великомъ князѣ Мстиславѣ Мономаховичѣ (1125—1132), Михаилъ, повидимому,

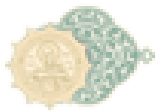
былъ въ добрыхъ отношеніяхъ къ этому умному и благочестивому князю и его семьѣ. Онъ содѣйствовалъ его мысли объ учрежденіи отдѣльной епископіи въ Смоленскѣ, гдѣ выдѣлено было Мстиславомъ и особое княженіе для сына его Ростислава, дѣйствительно учредилъ эту епископію въ 1137 г. совмѣстно съ Ростиславомъ ¹⁾. Какъ Грекъ, онъ, надо полагать, считалъ домъ Мономаха, родственный греческому царскому дому, имѣющимъ болѣе высокое право на Кіевскій престолъ, чѣмъ другіе княжескіе дома. Поэтому едва ли онъ былъ благосклоненъ къ Всеволоду Ольговичу, занявшему Кіевскій престолъ съ 1139 г., хотя, по долгу пастыря, и мирилъ съ нимъ князей. Близкій съ Нифонтомъ новгородскимъ, почитателемъ Грековъ и знаткомъ церковныхъ правилъ, Михаилъ не могъ, конечно, не гнѣваться на Всеволода за насильственный поступокъ его съ Нифонтомъ въ Кіевѣ, гдѣ Всеволодъ 9 мѣсяцевъ продержалъ Нифонта въ заключеніи. Очень возможно, что до Михаила доходили также жалобы на злоупотребленія и неправды Всеволодовыхъ тѣнѣвъ, и митрополитъ, по долгу нечелованія, заступался за обидимыхъ и обличалъ Всеволода ²⁾. Последній, судя по его гордому характеру, наслѣдованному отъ отца, не слушалъ митрополита. Все это, вмѣстѣ съ нескончаемыми безпокойствами изъ-за княжескихъ усобицъ, усиленно продолжавшихся не смотря на старанія митрополита унять ихъ, могло и быть поводомъ къ отъезду его въ Царьградъ въ

¹⁾ Возможно, что это учрежденіе новой епархіи, какъ и другихъ новыхъ епархій, совершалось не съѣздомъ собора, согласно извѣстному намъ правилу достопамятнаго м. Іоанна II.

²⁾ Извѣстно, что въ Греціи императорами и законами предоставлено было епископамъ широкое право и вмѣстѣ *вмѣнено въ долгъ*, оказывать заступничество всѣмъ обидимымъ и угнетаемымъ. Михаилъ, какъ греческій іерархъ, безъ сомнѣнія, сознавалъ такое право и такой долгъ, какъ сознавали и лучшіе другіе митрополиты. А при Всеволодѣ были поводы къ предъавленію митрополитомъ такого права и долга, ибо въ его время народъ терпѣлъ отъ угнетеній и обидъ, послѣдствіемъ которыхъ и былъ страшный бунтъ по воклаженіи преемника Всеволодова Игоря.

1145 г. По митрополитъ желалъ дать почувствовать Всеволоду силу своего гнѣва при отъѣздѣ. Онъ запретилъ архіерейское служеніе въ Софійскомъ соборѣ и взялъ отъ епископовъ *рукописаніе*, по которому они обязывались не служить въ соборѣ въ отсутствіе митрополита ¹⁾). Неустройства въ цареградской патріархіи, которыя засталъ въ ней Михаилъ по пріѣздѣ сюда, задержали его можетъ быть болѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Когда затѣмъ въ 1146 г. занялъ Кіевскій престолъ Изяславъ Мстиславичъ, то ему не могло быть пріятно начинать книженіе при какомъ-то interdiktѣ, тяготѣвшемъ надъ тѣмъ соборнымъ храмомъ, гдѣ онъ вступалъ на великокняжескій престолъ. Пождавъ около года и не дождавшись вѣстей отъ митрополита, Изяславъ задумалъ устроить поставленіе митрополита изъ русскихъ русскимъ церковнымъ соборомъ, который и созвалъ онъ въ Іюль 1147 г. Этотъ смѣлый князь, не стѣснившійся обычаями старины и въ государственныхъ, между-княжескихъ отношеніяхъ, счелъ возможнымъ и въ церковномъ дѣлѣ отрѣшиться отъ старины, по которой митрополиты присылались намъ изъ Греціи. Избранникомъ его на митрополию былъ Климентъ „схимникъ, книжникъ и философъ“, слѣдовательно, вообще достойный кандидатъ. Изяславъ хотѣлъ, чтобы поставленіе его совершилось дома безъ испрошенія на то благословенія патріарха, котораго, какъ не безъ основанія могъ думать Изяславъ, патріархъ и не далъ бы. Большинство (пять) русскихъ епископовъ соглашалось исполнить волю князя, слѣдуя за мнѣніемъ Онуфрія епископа черниговскаго, утверждавшаго, что, по канонамъ церкви, соборъ епископовъ страны можетъ поставлять митрополитовъ для нея. Не соглашалось на это меньшинство (три) во главѣ съ Пифонтомъ епископомъ новгородскимъ, который требовалъ, чтобы Климентъ отправился въ Царьградъ

¹⁾ Это рукописаніе могло быть взято оцѣмъ на соборѣ или созывѣ епископовъ предъ отъѣздомъ митрополита въ Грецію.

за благословеніемъ и напоминалъ о рукописаніи, данномъ м. Михаилу, воспрещавшемъ самое служеніе епископское въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ должно совершиться посвященіе митрополита. Онуфрій, повидимому, хотѣлъ однимъ способомъ разрѣшить оба возраженія, убѣдивъ прочихъ епископовъ, что въ замѣвъ благословенія патриаршаго Климентъ можетъ быть поставленъ головою св. Климента, находившеюся въ Десятинной Церкви, и что, слѣдовательно и самое посвященіе можетъ быть совершено въ этой церкви, а не въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ новый митрополитъ, какъ уже поставленный и законный, будетъ въ правѣ служить съ другими епископами, не стѣняясь рукописаніемъ ¹⁾. Такъ и сдѣлано. Но Нифонтъ съ единомысленными епископами не покорился Клименту, продолжалъ требовать, чтобы онъ шелъ за благословеніемъ къ патриарху, обѣщая въ такомъ случаѣ послушаніе. Произошло раздѣленіе между епископами и смута, усложнившаяся вмѣшательствомъ князей, начиная съ Юрія Дозгорукаго, который, захватывая Кіевъ у Изяслава, изгонялъ и Климента. Смута продолжалась около 17 лѣтъ до 1164 г., когда наконецъ возстановленъ старый порядокъ присылки митрополитовъ изъ Греціи, и она-то служить наиболее простымъ объясненіемъ того, почему порядокъ этотъ такъ крѣпко держался во весь Кіевскій періодъ нашей исторіи, когда, при разрозненности князей, очень трудно было устраивать на Руси согласное избраніе митрополита собственнымъ церковнымъ соборомъ.

Ко времени смуты, вызваннойъ дѣломъ м. Климента, относится еще одно событіе, находившееся, по всей вѣроятности, въ связи съ нимъ. Выше упоминали мы объ учрежденіи въ 1137 г. епископіи въ Смоленскѣ, съ отдѣленіемъ его и смоленской епархіальной области отъ епископіи переславской. Когда въ 1149 г. м. Климентъ вызвалъ изъ

¹⁾ Лѣтопись не говоритъ, гдѣ совершилось поставленіе Климента; полагаютъ чадо, не въ Софійской, а Десятинной церкви.

Новгорода въ Кіевъ епископа Нифонта и заключилъ его въ Печерскомъ монастырѣ, то онъ не могъ оставить безвакантнымъ и Мануила Смоленскаго, подобно Нифонту, не признававшего власти Климента. Митрополитъ звалъ Мануила въ Кіевъ, посылалъ за нимъ, но грекъ-епископъ не имѣлъ такого мужества, какъ Нифонтъ, чтобы явиться на судъ митрополита и, какъ говоритъ лѣтопись, „бѣгалъ предъ Климомъ“. Чтобы наказать непокорнаго митрополиту, оставалось запретить ему служеніе или отрѣшить отъ епархіи, при чемъ послѣдняя передана была или предположена къ передачѣ переяславскому епископу, къ епархіи котораго принадлежалъ Смоленскъ прежде—до учрежденія въ немъ отдѣльной епископіи. Повѣстно, что въ эти виды митрополита входилъ и переяславскій епископъ Евфимій, какъ въ качествѣ сторонника митрополита, такъ и въ интересахъ своей епископіи. Въ отвѣтъ на такой замыселъ Мануиль съ смоленскимъ княземъ Ростиславомъ-Михайломъ Мстиславичемъ составили 30 сентября 1150 г. грамоту, которою подтверждалось самостоятельное существованіе смоленской епископіи, установленной м. Михайломъ 1137 г. Полагая вѣтву 318 отецъ Никейскаго собора на тѣхъ, кто дерзнулъ бы разрушить грамоту, Мануиль прибавляетъ: „или епископъ, который начнетъ, несуществомъ, *хотя ити въ Переяславъ и сію епископію приложити къ Переяславу*, да буди ему вѣтва, яке се прежде писана и святаго митрополита русскаго Михаила, иже составилъ сію епископію“. Съ своей стороны князь Ростиславъ того же 30 сентября 1150 г. далъ смоленской епископіи уставную грамоту, которою отлично обезпечиваетъ содержаніе ея разными сборами, пошлинами и доходами и прибавляетъ, что если кто разрушитъ смоленскую епископію и *приложитъ ее опять къ переяславской епископіи*, то князь отниметъ всѣ данныя ей доходы, и, предоставляя разрушителя суду св. Богородицы (соборная епископская церковь была — Богородичная) и

клятвамъ свв. отцевъ, самъ будетъ чистъ отъ сего грѣха ¹⁾). Прочно обезпеченная содержащемъ, огражденная грамотами и клятвами, смоленская епископія сохранилась, тѣмъ болѣе, что Ростиславъ смоленскій имѣлъ возможность оградить свое дѣло и властію брата своего великаго князя кіевскаго Изяслава. Именно въ слѣдующемъ же 1151 году онъ приглашенъ былъ въ Кіевъ Изяславомъ и дядей Вячеславомъ на совѣтъ и помощь противъ Юрія Долгорукаго и союзныхъ съ нимъ князей. Прибывъ въ Кіевъ съ своимъ смоленскимъ полкомъ, Ростиславъ привіять былъ Изяславомъ и Вячеславомъ съ большою любовью, участвовалъ въ битвахъ съ Юріемъ и его союзниками, окончившихся полною побѣдою Изяслава, послѣ которой Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ съ великою честію въѣхали въ Кіевъ, торжественно встрѣчены здѣсь м. Климентомъ и многими *другими святителями*, игуменами и священниками, поклонились св. Софїи кіевской и св. Богородицѣ Десятинной и праздновали счастливое событіе въ великомъ веселіи и великой любви ²⁾). Естественно, что Ростиславъ, пользуясь самымъ собраніемъ митрополита и святителей, сообщилъ теперь о дѣлѣ своей смоленской епископіи, которое считалъ такъ важнымъ и дорогимъ для себя, а Изяславъ, любя брата, много обязанный ему своей побѣдою надъ Юріемъ, укрѣпившею его на кіевскомъ престолѣ, безъ сомнѣній, не отказался своею властію великаго князя склонить такъ много обязаннаго ему митрополита Климента и самый соборъ святителей признать дѣло Ростислава о неприкосновенности смоленской епископіи. Тутъ-то вѣрнѣе могли вспомнить и правило достопамятнаго м. Іоанна II, что для учрежденія епархіи требуется согласіе государя страны и собора. Государь

¹⁾ Дополн. къ Акт. Историч. т. I № 4.

²⁾ Этотъ съѣздъ епископовъ, встрѣчаемый въ Кіевѣ въ данное время, представлялъ изъ себя или соборъ, созванный Климентомъ для устройства дѣла митрополіи при тогдашнихъ смутахъ, или съѣздъ по поводу княжескихъ дѣлъ, подобный съѣзду 1113 года.

удѣльный князь Ростиславъ и великій князь Изяславъ были согласны, безъ сомнѣнйя, согласились съ ними митрополитъ и соборъ.

Соборы 1157 и 1162 гг. для суда надъ ростовскимъ епископомъ Несторомъ. По правиламъ церковнымъ судъ надъ епископомъ митрополитальной области долженъ совершаться митрополитомъ совместно съ соборомъ изъ епископовъ этой области. До настоящаго случая извѣстны у насъ только два примѣра суда надъ епископами. Первый былъ при м. Ефремѣ, который въ 1055 г. судилъ Новгородскаго епископа Луку Жидиту. Лука обвиненъ былъ въ какихъ-то „неподобныхъ рѣчахъ“, взведенныхъ на него отъ его холопа Дудики и его друзей клеветниковъ Демьяна и Космы. Митрополитъ Ефремъ вызвалъ Луку въ Кіевъ, осудилъ его и приговорилъ къ заключенію, въ которомъ и просидѣлъ Лука три года. Но въ 1058 г. Лука успѣлъ оправдаться и возвратился на кафедру, а клеветниковъ постигла страшная казнь. Дудикѣ урѣзали носъ и обѣ руки и онъ бѣжалъ „въ нѣмцы“. Тогда же и собицникамъ Дудики „воздано достойное злодѣянію ихъ“. Лѣтопись, къ сожалѣнію, не говоритъ, какъ производились суды надъ Лукою, первый 1055 г., на которомъ онъ осужденъ, и второй 1058 г., на которомъ оправдавъ: т. е. были ли это единоличныя суды митрополита или суды соборныя. Можно полагать, что первый несправедливый судъ былъ поспѣшный, слѣдовательно, скорѣе единоличный судъ м. Ефрема, но что второй, болѣе внимательный и правдивый, былъ соборный. При м. Ефремѣ въ Кіевѣ слѣдуетъ предполагать соборъ или съѣздъ епископовъ по случаю вторичнаго освященія Кіево-Софійской церкви, вѣроятно, по случаю какого-либо обновленія ея. Съѣздъ этотъ могъ совпасть съ съѣздомъ князей¹⁾. На

¹⁾ О съѣздѣ князей Изяслава, Святослава и Всеволода упоминается подъ 1057 и 1059 гг., причѣмъ одинъ изъ нихъ могъ простираться и на 1058 г.; на съѣздѣ 1059 года князья братья освободили изъ давняго заточенія дядю своего

этомъ-то соборѣ или съѣздѣ, по всей вѣроятности, и было, по просьбѣ самого Луки или по требованію князей и епископовъ, вторично обсуждено дѣло Луки, и онъ оправданъ. Для характеристики своего времени дѣло еп. Луки представляетъ двѣ черты, каковы: кара 3-хъ-лѣтняго заключенія, едва ли сообразная съ канонами, и жестокая кровавая казнь надъ клеветниками, напоминающая обычаи Византіи, гдѣ подобныя казни были довольно обыкновенны, иногда даже и по отношенію къ высокопоставленнымъ лицамъ, и отсюда эти приемы расправы переходили и въ Русь. Второй примѣръ суда надъ епископомъ представляетъ судъ м. Климента надъ Пифонтомъ новгородскимъ, который, за непокорность митрополиту, въ 1149 году также присужденъ былъ къ заключенію въ печерскомъ монастырѣ. Былъ ли онъ соборный, опять неизвѣстно по лѣтописи. Естественно представлять, что м. Климентъ могъ дѣйствовать въ согласіи съ епископами собора 1147 г., предъ которымъ оказывался виновнымъ Пифонтъ, ему не подчинившійся. На этотъ разъ кара заключенія облегчена была уже тѣмъ, что Пифонтъ помѣщенъ въ печерскомъ монастырѣ, гдѣ прежде принялъ постриженіе и гдѣ его уважали. Переходимъ къ дѣлу ростовскаго епископа Нестора. Извѣстный, какъ епископъ ростовскій, съ 1149 г., Несторъ въ 1156 г. подпалъ какимъ-то обвиненіямъ отъ домашнихъ его и отъ самого князя владимиро-ростовскаго Андрея Боголюбскаго, который послалъ его на судъ къ м. Константину I, только что тогда прибывшему въ Кіевъ. Здѣсь находились тогда Мануиль смоленскій и Косма полоцкій, соборовавшіе по дѣлу Климента и его рукоположеній. Повятно, что этимъ же соборомъ производился судъ и надъ Несторомъ, который и обвиненъ и лишенъ епископій. Въ слѣдующемъ 1157 году Несторъ

Судислава, можетъ быть, по печалованію епископовъ. Объ освященіи же Софійскаго собора при м. Ефремѣ — известна запись въ „Мстиславовомъ“ Евангеліи XII в.

вторично просилъ суда и былъ оправданъ, но изъ за спора о постѣ (о чемъ ниже) опять изгнанъ Андреемъ Боголюбскимъ, отдавшимъ кафедру въ 1158 г. новому епископу Леону. Еще разъ судъ по дѣлу Нестора происходилъ, надо полагать, при преемникѣ Константина м. Феодорѣ около 1162 г., и на этотъ разъ судъ произведенъ былъ, какъ надо полагать, большимъ соборомъ, при чемъ тщательно были испытываемы обвиненія на епископа, представляемыя со стороны свидѣтелей изъ ростовской епархіи, въ присутствіи самаго великаго князя Ростислава, и даже посла греческаго царя, вришедшаго, вѣроятно, съ митрополитомъ¹⁾. Соборъ оправдалъ Нестора, возвращалъ ему епископію и составилъ грамоту объ этомъ. Но Андрей Боголюбскій, любившій держать себя независимо отъ всѣхъ, не призналъ соборнаго суда. Несторъ отправился въ Царьградъ искать суда у патріарха и его собора; патріархъ Лука Хрисовергъ съ своимъ соборомъ оправдалъ Нестора, а въ грамотѣ къ Андрею Боголюбскому выражался, между прочимъ, что патріарху и его собору собственно и не подобало обсуждать вновь дѣло Нестора, какъ многожды оправданнаго мѣстнымъ соборомъ русской митрополіи, ибо, по правиламъ церковнымъ, епископъ всегда судится соборомъ мѣстной митрополіи; но патріаршій соборъ, уступая мольбамъ Нестора, тщательно обсудилъ его дѣло и воишь соглашается съ оправдательнымъ приговоромъ кіевскаго собора. Это было доброе назиданіе Руси относительно авторитета мѣстнаго собора. Андрей Боголюбскій не принялъ однакоже Нестора, судьба котораго затѣмъ неизвѣстна.

Соборъ 1168 г. по поводу споровъ о постѣ въ среду и пятокъ.— Долго въ Русской церкви не было догматиче-

¹⁾ Извѣстія о Несторѣ въ лѣтописяхъ слуганыи. О соборномъ судѣ по его дѣлу говорятъ извѣстная грамота патріарха Луки Хрисоверга къ Андрею Боголюбскому ок. 1162 г., гдѣ именно выражено, что соборный судъ производился *многожды*.

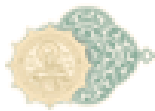
скихъ или обрядовыхъ споровъ, которые давали бы поводъ къ созыву соборовъ. Послушная, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, іерархической власти церкви греческой, русская церковь, въ лицѣ ея пастырей и болѣе свѣдущихъ и разумѣющихъ христіанъ, послушно воспринимала готовое, законченное содержаніе догматическихъ вѣроопредѣленій и богослужебныхъ установленій. Передумывать по своему, самостоятельно изслѣдовать это содержаніе не чувствовалось потребности, да и не въ пору было русскимъ христіанамъ при тогдашнемъ состояніи умственнаго развитія ихъ, а правильность разумнѣи догматовъ и уставовъ церкви у болѣе просвѣщенныхъ представителей в членовъ церкви ограждалась тѣмъ же послушаніемъ и благочестіемъ. Такимъ образомъ у насъ въ первые вѣка нашего христіанства не было ересей. Если были еретики, то захожіе, каковы упомянутый Адріанъ и подобный ему Дмитрій, впрочемъ покаившійся послѣ обличенія его митрополитомъ въ 1123 г. и можетъ быть именно на соборѣ. Если были вопрошанія о разныхъ предметахъ вѣры и особенно практики церковной, то они имѣли болѣе частный характеръ и разрѣшались единоличными отвѣтами и указаціями авторитетныхъ лицъ, каковы особенно митрополиты, епископы и другія представительныя лица, хотя въкоторыя изъ такихъ отвѣтовъ и указаній и становились потомъ общими правилами. Во всякомъ случаѣ они не давали повода къ спорамъ и волненіямъ. Иначе произошло съ вопросомъ о постѣ въ среду и пятокъ, т. е. вопросомъ о томъ, въ какіе праздники, случающіеся на эти дни, слѣдуетъ разрѣшать постъ, такъ что данный вопросъ назывался иначе вопросомъ о праздникахъ. Въ Греціи существовали въ этомъ отношеніи разные обычаи, ставшіе извѣстными и на Руси. У насъ, повидимому, рано возобладалъ, такъ сказать, наиболѣе льготный обычай, по которому постъ въ среду и пятокъ разрѣшался для всѣхъ праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и нарочитыхъ Святыхъ.

Въ этомъ смыслѣ данъ отвѣтъ о постахъ великому князю Изяславу Ярославичу преподобнымъ Феодосіемъ, который ввелъ упомянутый обычай и въ своемъ Печерскомъ монастырѣ. Преподобный Феодосій ссылался въ этомъ случаѣ на преданіе св. Отецъ, на студійскій уставъ, а благоприличіе разрѣшенія поста въ упомянутые праздники, на основаніи того же преданія, объяснялъ тѣмъ, что ихъ слѣдуетъ „праздновати свѣтло“. Вопросы о постахъ въ среду и пятокъ поднимались и потомъ, но разрѣшались безъ споровъ съ предоставленіемъ доброй воли вопрошающихъ поститься или не поститься въ праздники, случающіеся въ среду и пятокъ. Не такъ училъ Нестеръ Ростовскій. Возвратясь оправданнымъ съ кievскаго собора 1157 г. въ свою епархію, онъ, повидимому, захотѣлъ показать свою власть или ревность по благочестію и запретилъ разрѣшать посты во всѣ праздничные дни, исключая Рождества Христова и Богоявленія, ссылаясь, какъ полагаютъ, на примѣръ церкви константинопольской. Понятно, какъ тяжело должно было показаться это новое и строгое распоряженіе. Въ ту пору къ церковнымъ заповѣдямъ о постѣ относились не такъ, какъ многіе относятся теперь. Принятые посты соблюдались строго. Съ принятіемъ новаго правила о постахъ приходилось бы дѣйствительно держать ихъ во всѣ праздники, исключая двухъ. Тяжело было это и самому князю Андрею Боголюбскому, благочестіе котораго не позволило бы ему легко относиться къ новому правилу о постѣ. А этимъ правиломъ какъ бы помрачалась „свѣтлость“ праздничныхъ дней. Князь, поддерживаемый сочувствіемъ всѣхъ, изгналъ Нестора изъ епископіи, и въ слѣдующемъ году принялъ на ростовскую кафедру новаго епископа Леона. Но и онъ не долго остался на кафедрѣ. Въ слѣдующемъ году онъ изгнанъ ростовцами и суздальцами, „зае, говоритъ лѣтописецъ, умножилъ бѣше церкви, грабя поповъ“. Вскорѣ онъ снова возвратился на кафедру, но въ 1162 г. опять изгнанъ изъ-за спора о постѣ въ среду и пятокъ, вновь принять

„раскаившимся князем“, но уже на одинъ Ростовъ безъ Владиміра и Суздаля, ибо въ эту пору Боголюбскій задумаль основать во Владимірѣ новую каедрю, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Теперь же замѣтимъ, что отправивъ грамоту къ патріарху по дѣлу о каедрѣ владимірской, Боголюбскій говорить въ ней и о прежде изгнанномъ Несторѣ, также о постѣ въ среду и пятокъ. Тогда-то и Несторъ, вторично оправданный м. Феодоромъ, отправился къ патріарху искать оправданія и по прежнимъ обвиненіямъ, и по вопросу о постѣ. Мы упоминали, что патріархъ оправдалъ Нестора, и въ томъ же посланіи разрѣшилъ вопросъ о постѣ въ среду и пятокъ въ томъ смыслѣ, что его сѣдуетъ безусловно разрѣшать только въ праздники Рождества и Богоявленія, а въ прочіе дни праздничные можно допускать только нѣкоторое ослабленіе поста, и что вообще въ такихъ случаяхъ, какъ въ опредѣленныхъ точными правилами церкви, надобно спрашивать мѣстнаго епископа и сообразоваться съ его волею. Послѣ этого Андрей Боголюбскій, державшій четыре мѣсяца Леона въ епископіи въ Ростовѣ, сталъ просить его разрѣшить постъ во все дни отъ Воскресенія Христова до недѣли всехъ святыхъ; Леонъ не соглашался и позволялъ разрѣшить постъ только въ недѣлю „порозную“ т. е. въ свѣтлую седмицу. Тогда князь опять изгналъ его изъ своей земли. Леонъ пришелъ въ Черниговъ къ князю Святославу Ольговичу, который утѣшилъ его и отпустилъ его въ Кіевъ къ князю Ростиславу. Но въ 1164 году Леонъ опять является въ Суздаль. Встрѣченный нѣкоторыми недоброжелательно уже потому, что занялъ престолъ при живомъ еп. Несторѣ, оправданномъ патріаршимъ соборомъ, Леонъ скоро объявилъ свой законъ о постѣ въ среду и пятокъ, еще болѣе суровый, чѣмъ прежній Несторовъ, чѣмъ патріаршій, не разрѣшая поста даже для праздниковъ Рождества Христова и Крещенія, если они случатся въ среду и пятокъ. „И бысть, говорить лѣтопись, велика тяжа про то предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ и предъ всеми людьми и упрѣ его владыка

Θεοδoρъ¹⁾. Это значитъ, что Андрей Боголюбскій, послѣ неоднократныхъ прежнихъ споровъ съ Леономъ о постѣ и даже просьбѣ, рѣшился наконецъ подвергнуть вопросу открытому разбору на мѣстномъ церковномъ соборѣ, въ присутствіи духовенства, мірянъ и новаго ростовскаго епископа Θεοδoρa, который, какъ скажемъ ниже, недавно предъ этимъ возвратился изъ Царьграда. Θεοδoρъ „упрѣ“, т. е. оспорилъ Леона, который теперь именно окончательно былъ изгнанъ изъ ростовско-суздальской земли. Самое ученіе Леона ославлено „Леонтианской ересью“. Изгнанный Леонъ отправился въ Грецію, чтобы тамъ защищать свое ученіе. На пути въ Болгарію онъ встрѣтилъ императора Мануила, стоявшаго лагеремъ при рѣкѣ; при немъ находился и болгарскій епископъ Адрианъ. Адрианъ „упрѣлъ“, спровергъ на спорѣ Леона. Послѣдній позволилъ себѣ какія-то дерзкія рѣчи на императора, за что слуги императора ударили Леона по шеѣ и хотѣли утопить въ рѣкѣ. Это было въ присутствіи находившихся тутъ русскихъ княжескихъ пословъ: кievскаго, суздальскаго, переяславскаго и черниговскаго. Послы эти шли къ императору по дѣлу митрополи, тогда праздною, а вѣроятно также по дѣлу о постѣ въ среду и пяткъ, которое къ этому времени заняло уже всѣхъ. Неизвѣстна дальнѣйшая судьба Леона, поразительное упрямство котораго въ своемъ суровомъ ученіи о постахъ представляетъ нѣчто загадочное. Волненія продолжались при м. Іoаннѣ IV (1164—1166) и его преемникѣ Константинѣ II, пришедшемъ въ 1167 г. Послѣ отвергнутаго всѣми суроваго ученія Леона, оставались еще два несогласныя ученія о предметѣ: Несторово, подтвержденное кievскимъ митрополитомъ и патріархомъ, и болѣе льготное упомянутое выше ученіе печерской обители, которое защищалъ и печерскій архимандритъ Поликарпъ, ссылаясь на студійскій уставъ и давнее предавіе въ

¹⁾ Этотъ владыка Θεοδoρъ есть, безъ сомнѣнія, не митрополитъ Θεοδoρъ, а ростовскій епископъ Θεοδoρъ, о которомъ—ниже.

самой обители. Этому мнѣнію держался и Ѳеодоръ владимірскій, оспоровившій въ 1164 г. Леона. Этому мнѣнію сочувствовали и князья. Необходимо было рѣшить спорный вопросъ. Въ 1167 г. въ мартѣ скончался кievскій великій князь Ростиславъ; а въ маѣ 1168 г. вокняжился въ Кіевѣ Мстиславъ Изяславичъ. Скоро затѣмъ онъ два раза бывалъ въ Печерскомъ монастырѣ, въ кельѣ игумена Поликарпа, и велъ переговоры съ Владиміромъ Мстиславичемъ, замышлявшимъ соперничать съ нимъ о престолѣ. Поликарпъ былъ весьма уважаемый игумень; онъ близокъ былъ и къ покойному князю Ростиславу, которому отсовѣтовалъ принимать постриженіе, говоря, что вамъ, князьямъ Богъ велѣлъ управлять землею, творить судъ, стоять въ крестномъ цѣлованіи (а не думать о монашествѣ). Не думалъ онъ, какъ сказано, налагать и суровыхъ требованій относительно поста, но зналъ, что за это подпадаетъ порицанію со стороны митрополита. И вотъ онъ-то, по всей вѣроятности, уговорилъ Мстислава устроить соборъ 1168 г. Если вѣрить позднимъ извѣстіямъ, это былъ соборъ многочисленнѣйшій. Здѣсь были епископы: владимірскій Ѳеодоръ, черниговскій Антоній, переяславскій неизвѣстный, смоленскій Мануилъ и даже галицкій (неизвѣстный по имени), были князья и другія лица изъ мірянъ, всего будтобы до 150 лицъ¹⁾. Мнѣнія раздѣлились. Стороны печерскаго монастыря и его архимандрита держались епископы владимірскій, смоленскій и галицкій. Стороны митрополита — Антоній еп. черниговскій и неизвѣстный епископъ переяславскій. Нѣкоторые предлагали еще обратиться за разрѣшеніемъ вопроса къ патріарху. Много состязались на соборѣ и не могли согласиться. Не окончивъ дѣла, соборъ разошелся, вѣроятно, вслѣдствіе политическихъ усобицъ того времени, грозившихъ великимъ несчастіемъ самому

¹⁾ Краткія извѣстія древнихъ лѣтописей о спорахъ о постѣ въ среду и пяткъ пополниются извѣстіями Никоновской лѣтописи и извѣстіями Татищевскаго лѣтописнаго свода, если только послѣднія могутъ считаться надежными въ данномъ случаѣ.

Кіеву. Но затѣмъ м. Константинъ съ епископами, державшими его сторону, осудилъ печерскаго игумена Подкарпа, наложивъ на него запрещеніе и даже подвергнувъ заключенію. Съ другой стороны черниговскій князь Святославъ, къ которому много разъ приставагь епископъ Антоній съ своими запрещеніями мясожденія въ праздники, падающіе на среду и пятокъ, изгналъ его изъ епархіи. Замѣчательно, что древняя лѣтопись Лаврентьевская, писанная несомнѣнно инокомъ, держится наиболѣе льготнаго взгляда или обычая, представительницею котораго была печерская обитель. Такъ, рассказавъ о изгнаніи Леона, о неудачной попыткѣ его защитить свое мнѣніе предъ императоромъ Мануиломъ, лѣтописецъ заключаетъ; «сіе же сказахомъ вѣршыхъ для людій, да не блязятся о праздницѣхъ Божіихъ». Поступокъ митрополита съ Подкарпомъ онъ называетъ „митрополичьею неправдой“, грѣхомъ, совершеннымъ въ Кіевѣ, за который онъ вскорѣ потомъ наказанъ страшнымъ разореніемъ. Упомянувъ объ изгнаніи Святославомъ черниговскимъ еп. Антоніа изъ епископін, прибавляетъ: „да внимаемъ мы себѣ каждо насъ и не противимся закону Божію“. То обстоятельство, что въ Руси князья, епископы, печерскій игумень съ его монастыремъ и княжнне люди, какъ лѣтописецъ, продолжали держаться своего болѣе льготнаго относительно постовъ обычая, вопреки даннымъ изъ Царьграда предписаніямъ о новомъ обычаѣ, — это обстоятельство показываетъ, что тогда въ Руси уже считали для себя возможнымъ имѣть свое мнѣніе, свой обычай, и безъ сомнѣнія потому, что основанія этому обычаю находили также въ преданіяхъ церкви греческой, но болѣе давнихъ, и что, въ виду разногласія обычаевъ церковныхъ въ самой Греціи, считали дѣломъ доброй воли слѣдовать тому или другому обычаю, и излишнее отягченіе совѣсти чрезъ принужденіе къ одному обычаю считали несогласнымъ съ благочестіемъ. Извѣстно впрочемъ, что съ теченіемъ времени льготный обычай постовъ уступилъ у насъ болѣе строгому обычаю константинопольской церкви.

Соборъ 1170 г. на Θεодора, ростовскаго епископа. Изъ разнорѣчивыхъ извѣстій о происхожденіи его можно вывести по крайней мѣрѣ то заключеніе, что это былъ человекъ выдающійся, человекъ съ связями въ знати и притомъ притязательный и честолюбивый. Ему удалось войти въ милость у Андрея Боголюбскаго, который далъ ему именуемо въ Суздальѣ. Когда по двукратномъ изгнаніи Нестора, цетомъ и Леона, Андрей Боголюбскій, желавшій утвердить новую великокняжескую столицу въ Суздальской землѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, задумалъ вмѣстѣ съ тѣмъ основать новую митрополию или архіепископію во Владимірѣ съ Суздалемъ, то кандидатомъ на нее онъ избралъ Θεодора, горячо взявшагося служить этимъ видамъ князя, льстившимъ и честолюбію Θεодора. Пользуясь смутами, начавшимися на ростовской каѳедрѣ съ Несторомъ и Леономъ, онъ энергически дѣйствовалъ противъ обоихъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ сторонникомъ льготнаго обычая поста и презѣдую мѣтніи Нестора и Леона. За осуществленіе своей мысли Боголюбскій привился въ 1162 г., когда окончилъ великолѣпную соборную церковь Успенія Богоматери во Владимірѣ, имѣвшую быть каѳедраальною. Въ 1162 г. Андрей Боголюбскій въ томъ же посланіи къ патріарху Лукѣ Хрисовергу, въ которомъ обвинялъ Нестора и оправдывалъ удаленіе его съ каѳедры ростовской, просилъ патріарха отдѣлить Владиміръ и суздальскую область отъ ростовской епархіи и учредить каѳедру во Владимірѣ, ссылаясь на значеніе города, богато застроеннаго церквами, давая понять, что для новой каѳедры имѣется у него и кандидатъ Θεодоръ. Патріархъ, разсмотрѣвъ дѣло на соборѣ, отвѣтилъ, что нельзя нарушать предѣловъ епархій, уже установившихся, и не соглашался ни отдѣлять Владиміра съ Суздалемъ отъ Ростова, ни тѣмъ болѣе учреждать въ первомъ новой митрополичьей каѳедры, отдѣльной отъ кievской. Въ послѣднемъ отношеніи патріархъ поступалъ весьма благоразумно, предотвращая опасность церковнаго раздѣленія въ Русской

церкви. Но основаніе новой кафедрѣ въ обширной ростовской епархіи было дѣло допустимое, подобно тому какъ напр. прежде допущено было основаніе новой епархіи въ Смоленскѣ, выдѣленной изъ епархіи переяславльской. Андрей Боголюбскій настоялъ пока на послѣднемъ. Безъ патріарха нельзя было обойтись въ этомъ дѣлѣ. Кіевскій митрополитъ, зная уже состоявшійся отказъ патріарха въ учрежденіи новой кафедрѣ во Владимірѣ съ Суздалемъ, безъ сомнѣнія, не согласился бы исполнить волю Боголюбскаго. Тогда князь, вѣроятно, по внушенію самого Феодора, отправилъ его въ Царьградъ просить поставленія на кафедру во Владимірѣ. Просьба была, безъ сомнѣнія, подтверждена богатыми дарами, и произошло то, что много разъ происходило потомъ у насъ въ XIV в. Феодоръ получилъ поставленіе отъ патріарха и занялъ подъ свою кафедру и Ростовъ. Это было до 1164 года, въ которомъ онъ, какъ уже владыка, препирался съ Леономъ, явившимся тогда въ Суздаль. Съ изгнаніемъ въ этомъ году Леона, Феодоръ остался единственнымъ епископомъ ростовскимъ, владимірскимъ и суздальскимъ. Въ этомъ санѣ онъ уже присутствовалъ на соборѣ 1168 г. Будучи союзникомъ въ вопросѣ о постахъ Поликарпа и многихъ князей, онъ, естественно, расходился съ митрополитомъ Константиномъ II, и по извѣстной самоувѣренности своей держалъ себя независимо и дерзко, тѣмъ болѣе что былъ поставленникомъ не митрополита, а самаго патріарха. Въ отвѣтъ на естественныя со стороны митрополита упреки за добытіе поставленія не у своего митрополита, и можетъ быть угрозы и запрещенія за несогласіе въ вопросѣ о постахъ, подобныя тѣмъ, какимъ подпалъ Поликарпъ, Феодоръ объявилъ себя совсѣмъ независимымъ отъ митрополита. Дѣтально говорить, будто такой замашки Феодора не одобрялъ Андрей Боголюбскій и совѣтовалъ ему просить благословенія митрополита. Но случилось событіе, которое окончательно вскружило голову дерзкому честолюбцу. Это — послѣдовавшее въ 1169 г. страшное пораженіе киевскаго

князя и его союзниковъ и безпощадное разореніе Кіева, самыхъ храмовъ и святинь его войсками Андрея Боголюбскаго, желавшаго изъ Владиміра и Суздаля властвовать надъ Кіевомъ и южною Русью. Мы видѣли, что суздальскій лѣтописецъ считаетъ это событіе карою Божию за митрополитичью неправду въ дѣлѣ о постахъ, за грѣхи его сообщниковъ въ Кіевѣ, которые оскорбляли праздники. Безъ сомнѣнія такъ думали и всѣ тѣ суздальцы, которые возмущались ученіемъ о постахъ Нестора и Леова, сходнымъ или приближавшимся къ ученію митрополита. Гордо возвратились суздальцы изъ кіевского похода, хвалились своею расправою съ Кіевомъ, вѣсть о которой придала новую дерзость Теодорцу. Теперь-то онъ сильнѣе чѣмъ когда либо заявлялъ себя независимымъ отъ митрополита и Кіева, который самъ подпалъ власти Андрея Боголюбскаго, посадившаго въ немъ на княженіе брата своего Глѣба. Но теперь-то въ апогее гордыниаго настроенія сказался весь характеръ Теодорца¹⁾. По Никоновской лѣтописи, это былъ человекъ дерзкій и безстыдный, не срамлялся ни князя, ни боярина; былъ онъ тѣломъ грѣшнокъ зѣло, имѣлъ чистый, звучный голосъ, рѣчь волеверчиву, мудроравіе козненное; всѣ боялись и трепетали его, никто не могъ стоять противу него; нѣкоторые же говорили, что онъ отъ демона, а иные называли его волхвомъ. Если ревнитель постовъ Леонъ грабилъ священниковъ, то ревнитель праздниковъ Теодоръ былъ, по выраженію лѣтописи, какъ

¹⁾ Сказанія о Олѣдорѣ или Олѣодорцѣ въ лѣтописяхъ Ипатской и Лаврентьевской, распространенныя въ Никоновской, имѣютъ, по видимому, источникъ въ существовавшее отдѣльное сказаніе о немъ, составленное въ суздальской землѣ и современное этому Теодорцу. Годы его архіерейства и вообще годы исторіи его, также какъ и споры о постѣ въ среду и пятницу, не легко возстановить, что, какъ уже замѣчено, слѣдуетъ сказать и по отношенію къ Нестору, еп. ростовскому. Важнѣйшимъ препятствіемъ къ тому служитъ извѣстное различіе хронологіи въ Ипатской и Лаврентьевской лѣтописяхъ, замѣчаемое особенно съ половины XIII в. и доселѣ недовольно выясненное. Мы излагали ходъ дѣла такъ, какъ онъ представляется наиболее сообразнымъ и вѣроятнымъ.

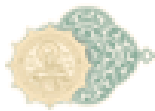
адъ, насытъ на имѣнія, на чужое добро. Гордецъ желалъ обставить себя богатствомъ, пышностью, величіемъ и для этого-то грабилъ всѣхъ, и духовныхъ и мірянъ. Тутъ владимірцы, суздальцы и ростовцы увидѣли, подъ какую страшную опасность попалась отъ своего владыки, презиравшаго власть митрополита, не хотѣвшаго знать ни какой власти надъ собой. Забывшагося гордеца хотѣлъ унять князь, столько жаловавшій его предъ тѣмъ. Но подобно Леову, наговорившему дерзостей самому императору Мануилу, Θεодоръ сталъ дерзокъ и предъ самимъ княземъ, не слушалъ его. Но если князь до поры—до времени щадилъ Θεодора, какъ своего избранника, какъ союзника его въ любимой мысли о независимой митрополіи, или архіепископіи во Владимірѣ, и ограничивался пока увѣщаніями ему и большей или меньшей сдержкой его злочиній; то другіе, прямо страдавшіе отъ нихъ, особенно лица духовныя, не опустили, конечно, прибѣгнуть съ жалобами къ митрополиту, чтобы въ его ближайшей и прямой власти найти защиту, не ида въ далекій Царьградъ, которымъ хвалился Θεодоръ, какъ источникомъ своей епископской власти. Въ пору были эти жалобы для митрополита, и онъ имѣлъ все побужденія употребить свою власть. Посланиемъ во владиміро-суздальско-ростовскую епархію онъ наложилъ запрещеніе на Θεодора, велѣлъ не признавать его епископомъ, не брать у него благословенія. Посланіе при такихъ обстоятельствахъ не могло не подѣйствовать. Духовные и міряне, особенно во Владимірѣ, перестали брать благословеніе у Θεодора. Ожесточенный владыка вдался къ послѣднія, едва вѣроятныя, неистовства. Страшный своею дерзостію и силою характера, имѣя безъ сомнѣнія клеветовъ изъ людей запуганныхъ или закупленнхъ подачками богача, своего рода опричниковъ, наклонныхъ, какъ и онъ, къ грабежу, Θεодоръ сталъ безпощадно грабить и мучить неповорныхъ жесточайшими, неслыханными казнями и ограбилъ и замучилъ даже постельничаго князя, свѣдавъ о его богатствѣ и противленія своей

власти¹⁾. Въ то же время онъ затворилъ церкви во Владиміръ и самую кафедральную церковь Успенія Божіей Матери. Затворилъ церкви по многимъ другимъ городамъ и селамъ: не стало церковнаго пѣнія ни во Владиміръ, ни въ другихъ мѣстахъ. Тутъ наконецъ не стерпѣлъ и князь и, выгнавъ его изъ Владиміра 8 мая, въ день Іоанна Богослова, въ тотъ самый день, когда онъ затворилъ соборную церковь, князь затѣвъ отправилъ его на судъ въ митрополиту. Это было около 1170 года. Мы рѣшительно думаемъ, что это былъ судъ соборный. Дѣло шло не только о личности Феодора, необычайнаго преступника, но и общемъ интересѣ церкви, въ которой произведенъ или затѣянъ былъ имъ расколъ, чрезъ отторженіе обширнѣйшей и славнѣйшей

¹⁾ Несчастія Феодора въ лѣтописяхъ описываются одинаково. Говорится, что онъ не только грабилъ и вымучивалъ имѣнія у духовныхъ и мірянъ, но выжигалъ бороды и головы, рѣзалъ руки, ноги, уши, носы, варилъ въ котлахъ, раскидывалъ и т. п. Тутъ, конечно, далеко не безъ преувеличеній, созданныхъ начальными сказаніемъ о Феодорѣ, служившимъ источникомъ для лѣтописей. Но отрицать существованія факта никакъ нельзя въ виду согласнаго свидѣтельства лѣтописей и даже такихъ подробностей, какъ ограбленіе и замученіе княжескаго постельничаго. Съ другой стороны, освобожденное отъ нѣкоторыхъ преувеличеній, сказаніе о несчастіяхъ Феодора не представляетъ чего-либо совсѣмъ невѣроятнаго. Такія жестокія казни, какъ урѣзаніе ушей, рукъ и под. были въ обычаѣ въ Византіи, гдѣ бывалъ Феодорецъ, да и у насъ, напр., по отношенію къ клеветникамъ Луки Жидиты. А грабить умѣлъ и Леонъ до Феодора. Послушнаяхъ головорѣзовъ, своего рода опричникъ, несомненно трудно было набрать Феодору изъ тѣхъ же суздальцевъ, которые ненадолго предъ тѣмъ безпощадно убивали женъ и дѣтей и грабили святыни въ Кіевѣ, наконецъ даже изъ такихъ разбойниковъ, какими были недолго спустя убійцы Андрея Боголюбскаго. Всего труднѣе понять те, какъ сильный Андрей Боголюбскій, легко изгнавшій Нестора и Леона, могъ терпѣть несчастія Феодора. Но вспомнимъ, что это былъ его давній любимецъ, избранникъ и союзникъ. Вспомнимъ Мятля, любимца Дмитрія Донскаго, при которомъ онъ безнаказанно вымогалъ дань съ духовенства, сажалъ въ оковы и тѣлесно наказывалъ даже игуменовъ и архимандритовъ, поднимая руку и на епископовъ. Между Феодоромъ и Митяемъ есть сходство и въ личнахъ характеристическихъ чертахъ и въ самомъ положеціи. Оба следили за своею непознаваемою властью, а въ такихъ случаяхъ дурныя и дерзкія личности легко ожесточаются до неистовства. Ко всему этому въ объясненіе безумныхъ неистовствъ Феодора прекрасно выражается современный лѣтописецъ: что волею Бога хотѣлъ наказати, у того отниметь умъ.

епархіи отъ власти митрополита, отъ іерархическаго единства церкви. При томъ же, послѣ того какъ Феодоръ презрѣлъ запретительное посланіе митрополита, послѣдній не могъ не чувствовать потребности прибѣгнуть къ помощи другихъ іерарховъ, къ помощи собора. Наконецъ, есть основаніе полагать, что въ данное время въ Кіевѣ происходилъ хиротонійный соборъ, на которомъ поставленъ епископомъ знаменитый Кириллъ туrowsкій. Древнее проложное житіе его говоритъ, что Кириллъ въ числѣ нѣсколькихъ посланій къ Андрею Боголюбскому, писалъ и посланіе въ обличеніе злаго и нечестиваго Феодорца ростовскаго. Весьма возможно, что онъ писалъ это посланіе съ собора или вскорѣ послѣ собора, что въ этомъ или другомъ посланіи онъ касался и общаго вопроса—о возстановленіи іерархическаго единства церкви, чрезъ упраздненіе замысла объ отдѣльной архіепископії владиміро-ростовской. Судь для немилостиваго Феодора, не могъ, конечно, быть милостивымъ. Но ожесточенный владыка утягилъ свои вины возмутительною нераскаивностью. О нераскаивности его говорить и древнія лѣтописи. Циклопская лѣтопись прибавляетъ, что когда митрополитъ сталъ испытывать и исчислять Феодору его вины, то подсудимый отвѣчалъ дерзко, говорилъ неподобное, дошелъ до богохульствъ. Митрополитъ объяснилъ ему, какія казни ждутъ подобныхъ преступниковъ и богохульниковъ, далъ ему время покаяться, но Феодоръ пребылъ все лѣто безъ покаянія. Это было уже, вѣроятно, во произнесеніи соборнаго приговора или суда. Но казнь отложена, чтобы дать бывшему епископу покаяться предъ смертію. Когда онъ не покался, казнь исполнена. Митрополитъ повелѣлъ отвести его на островъ и тамъ урѣзали ему языкъ, правую руку, вынули очи, во исполненіе писанія, яко же мѣрю мѣрите, возмѣрите вамъ, и наконецъ бросили въ воду.

Послѣ собора 1170—71 года уже не было въ Кіевѣ

Страшно разоренный въ 1169 г., не одинъ разъ разоряемый и потомъ, Кіевъ упалъ въ своемъ значеніи первопрестольнаго города Руси, и князья его уступали въ сплъ князьямъ суздальскимъ. Слабѣла, вѣроятно, и власть митрополитовъ, въ частности и по отношенію къ епархіальнымъ епископамъ. А съ ослабленіемъ власти кіевскихъ великихъ князей и митрополитовъ ослабѣвала и возможность созыва ими соборовъ. Въмѣсто соборовъ бывали отъ времени до времени съѣзды епископовъ по какимъ-либо случаямъ, напр., для освященія княжескихъ церквей. Такъ, въ 1185 г. происходило освященіе церкви св. Василия, построенной въ „Велицѣмъ дворѣ“ великимъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ. Освященіе совершали м. Никифоръ, епископъ юрьевскій и архимандритъ печерскій Василій. Но въ Кіевѣ были въ эту пору и другіе епископы, ибо говорится, что по случаю посвященія князь созвалъ на пиръ митрополита, „ины епископы“, также игуменовъ, священный чинъ и Кіианъ. Такъ великій князь Рюрикъ Ростиславичъ созвалъ на освященіе построенной въ Бѣгородѣ церкви св. апостоловъ м. Никфора, епископовъ бѣгородскаго и юрьевскаго, которое совершено 6 декабря 1197 г. и заключилось духовнымъ пиромъ, устроеннымъ княземъ и княгинею, на которомъ были многіе кіевскіе игумены, иноки и священники и всѣ до единого получили при этомъ и немалые дары. Вскорѣ за тѣмъ, а именно 1 января 1198 г. митрополитъ и тѣже епископы, по призыву князя, совершали освященіе новой построенной имъ въ Кіевѣ на новомъ дворѣ церкви св. Василия въ честь своего ангела¹⁾. Были съѣзды епископовъ и по такимъ случаямъ, какъ постриженіе священника Василия и поставленіе его въ игумены печерскаго монастыря въ 1182 г. Наибольше обыкновенными соборами или съѣздами епископовъ были,

¹⁾ Освященіе двухъ церквей имени св. Василия въ день этого святаго можетъ указывать на обычай освящать церкви въ день того святаго, во имя котораго строились.

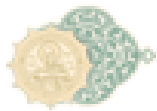
но прежнему, соборы *хиротонійные*, т. е. для епископской хиротоніи, о которыхъ и сдѣлаемъ здѣсь краткое замѣчаніе. Если бы у насъ съ самаго начала привился каноническій порядокъ *избранія* епископовъ *соборомъ* епископовъ митрополитанской области, то онъ самъ собою давалъ бы поводъ къ частному созыву *избирательныхъ* соборовъ. Но порядокъ этотъ, не особенно твердый и въ Греціи, былъ еще менѣе примѣненъ у насъ, какъ слѣдуетъ судить по отсутствію въ памятникахъ указаній на такой порядокъ и по самой трудности созыва въ Кіевъ всѣхъ или большинства епископовъ для каждаго случая избранія, что именно требовалось бы. Избраніе епископовъ въ первую половину Кіевского періода было, надо полагать, въ большинствѣ дѣломъ великихъ князей кіевскихъ и митрополитовъ, хотя бывало, конечно, и то, что въ избирательныхъ совѣщаніяхъ участвовали епископы ближайшіе къ Кіеву, нарочито для сего вызываемые или и другіе отдаленные, случившіеся въ Кіевѣ въ моментъ предстоявшаго избранія и поставленія кандидата на вакантную кафедру. Кандидатовъ на епископство кромѣ Греціи, давалъ въ первую половину Кіевского періода по преимуществу Кіевъ, въ лицѣ игуменомъ и инокомъ кіевскихъ монастырей, особенно—Печерскаго монастыря, и это имѣло полезное значеніе въ смыслѣ укрѣпленія іерархическаго единства церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ и единенія вѣры. Съ полов. XII в. и даже нѣсколько ранѣе, вслѣдствіе большаго развитія удѣльной самостоятельности областей, развивается и постепенно утверждается у насъ обычай избранія епископовъ князями съ вѣчемъ или соборомъ представителей епархіальныхъ городовъ, и обычай этотъ считается наконецъ наиболѣе законнымъ, а самое избраніе настолько неотмѣненнымъ, что избранный иногда уже вводился въ архіерейскій домъ и даже принималъ управленіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣвало участіе митрополита и его собора въ дѣлѣ избранія кандидатовъ на епископство. Мѣстныхъ избравниковъ присылали въ Кіевъ уже только для поставле-

нія, при чемъ митрополитъ, какъ видится, былъ напередъ извѣщаеиъ объ избраніи, чтобы онъ могъ къ извѣстному сроку призвать епископовъ для поставленія избранника и самаго избранника, въ свитѣ котораго пріѣзжали иногда и представители изъ его епархіальнаго города. Всякое поставленіе епископа было, по необходимости, дѣліемъ соборнымъ, но такимъ, для котораго достаточно было двухъ или трехъ епископовъ, такъ что хиротонійные соборы или съѣзды епископовъ могли быть и бывали вообще небольшие по числу участниковъ собора. Обыкновенно это были, по выраженію лѣтописи, „окрестные епископы“, каковы особенно юрьевскій и бѣлгородскій. Случаи поставленія въ одинъ годъ двухъ, трехъ епископовъ на кафедры, едвали въ одинъ и тотъ же годъ ставіиія вакантными, располагають въ заключенію, что пользовались однимъ хиротонійнымъ съѣздомъ для нѣсколькихъ преемственныхъ поставленій. Примѣромъ особенно торжественнаго поставленія можетъ служить поставленіе ростовскаго епископа Кирилла II въ 1231 г. въ апрѣлѣ, въ недѣлю Мироносиць. Посвященіе совершено м. Кирилломъ съ четырьмя епископами—черниговскимъ, полоцкимъ, бѣлгородскимъ и юрьевскимъ, въ служеніи печерскаго архимандрита, шести игуменовъ кіевскихъ монастырей и одного черниговскаго я въ присутствіи великаго князя кіевскаго и многихъ другихъ князей, бывшихъ тогда на соумѣ или сеймѣ въ Кіевѣ. Былъ свѣтлый праздникъ въ тотъ день въ св. Софіи, а потомъ великій ниръ въ печерскомъ монастырѣ, на которомъ „ѣша и пиша многое множество людей приизлиха зѣло, ихже не бѣ мощи исцелити“. Съ великою честью отпущенный митрополитомъ въ свою епархію, Кириллъ 18 мая приближался къ Ростову, откуда вышелъ ему на встрѣчу князь и княгиня, бояре и мужи ростовскіе, игумены, священники, черницы и „пресвѣтлый клиросъ соборной церкви“, неся кресты со свѣчами и кадилами, и „бысть велика радость въ Ростовѣ“. Радость была не напрасна. Кириллъ, давно извѣстный въ

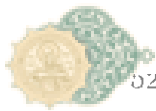
ростовской землѣ, теперь явился пастыремъ обильной и сильной учительности, такъ что отовсюду изъ Ростова и окрестныхъ городовъ и селъ стекались слушать его, а также ревнителемъ благолѣпія святихъ храмовъ, наконецъ пастыремъ благотворительнымъ и мпловивымъ. Падо сказать, что въ Ростовѣ есть не одинъ примѣръ счастливаго избранія епископовъ князьями съ представителями епархіальнаго города; есть такіе примѣры и въ другихъ городахъ. Это обстоятельство примиряетъ съ обычаемъ мѣстнаго выбора епископовъ, утвердившимся въ Руси въ ущербъ праву митрополита и его ближайшаго собора. Гораздо менѣе можно примириться съ развившимся въ слѣдъ за обычаемъ мѣстнаго выбора епископовъ притязаніемъ князей и городовъ на судъ надъ своими епископами, который нерѣдко практиковался у насъ съ полов. XII в. и не мало влиялъ на ослабленіе суда митрополита и его собора, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на ослабленіе самаго обычая созыва соборовъ, хотя и бывали случаи, что, увидѣвъ безпорядки и неудобства отъ собственнаго суда или самоуправы надъ епископами, князья и города сами отдавали дѣла объ епископахъ на судъ митрополита и его собора.

Къ сожалѣнію, отъ кievскихъ соборовъ кievскаго періода нашей исторіи не дошло къ намъ никакихъ соборныхъ дѣяній или постановленій. Необходимо думать, что они были, хранились при кievо-софійской митрополіи, но загибли среди постигавшихъ Кіевъ разореній, особенно татарскаго разоренія, тяжкаго какъ для всего Кіева, такъ и для софійской митрополіи, когда разоренъ былъ и надолго заустѣлъ Кіево-Софійскій соборъ, домъ митрополитій и самъ м. Іосифъ погибъ безслѣдно.

Но разореніи Кіева татарами значеніе его еще болѣе упало. Хотя онъ продолжаетъ считаться кафедрою митрополитовъ, но митрополиты не живутъ въ немъ, а только посѣщаютъ его на болѣе или менѣе короткое время, предпочитая жить на сѣверѣ, гдѣ и утверждается мѣстопробы-

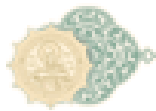

ваніе ихъ сперва во Владиміръ, потомъ въ Москвѣ. Нарѣдка бывали еще во время пріѣзда въ Кіевъ митрополитовъ и свѣады къ нимъ епископовъ, какъ напр., при Кириллѣ въ 1276 г., при Максимѣ въ 1284 г., когда этотъ только что прі-бывшій въ Россію митрополитъ созвалъ въ Кіевъ русскихъ епископовъ, безъ сомнѣнія, для совѣщанія по дѣламъ митрополіи и церкви въ это тяжкое время. Съ образованіемъ въ слѣдующемъ вѣкѣ литовско-русскаго государствa возникаетъ сперва повременное, потомъ окончательное раздѣленіе единой русскаго митрополіи на двѣ—кіевско-литовскую и московскую. Какъ самый вопросъ о митрополіи, такъ и смуты, сопровождавшія движенія этого вопроса, затѣмъ и другія дѣла церковныя давали поводъ къ созыву соборовъ или свѣздовъ въ русскаго церкви; но эти соборы и свѣзды бывали въ Москвѣ, Новгородѣ литовскомъ, иногда въ другихъ городахъ, но не въ Кіевѣ, гдѣ могли происходить только изрѣдка и небольшіе свѣзды епископовъ во время посѣщенія Кіева митрополитами, изъ которыхъ долѣе и чаще проживалъ въ Кіевѣ Кипріанъ († 1406), а послѣднимъ посѣтившимъ Кіевъ былъ Фотій († 1431). Со времени и затѣмъ во весь періодъ отдѣльнаго существованія кіевско-литовско-русскаго митрополіи, отдѣлившейся отъ московско-литовско-русскаго окончательно въ 1459 г., ни одинъ изъ кіевскихъ митрополитовъ не бывалъ въ Кіевѣ до самаго конца XVI вѣка. Кіевскіе митрополиты имѣли постоянное пребываніе въ Новгородѣ литовскомъ, посѣщая при особенныхъ случаяхъ столичную Вильну, принадлежавшую къ ихъ митрополіи каедрѣ, но не Кіевѣ. Только одинъ изъ митрополитовъ Макарій I предпринялъ было подвигъ, какъ выражались современники, отправиться изъ Литвы въ далекій Кіевъ, чтобы обновить и устроить здѣсь заустѣлый каедральный Софійскій соборъ. Но страдальческая кончина святителя, убитаго татарами на пути въ Кіевъ, надолго отняла у его преемниковъ охоту къ такому путешествію. Только къ концу XVI в., когда путешествие въ Кіевъ уже не было опасно такъ, какъ въ минувшее время, рѣшился

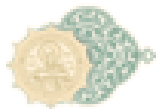
посвятить Киевъ м. Михаилъ Рогоза, но и то на самое короткое время.

Новое время настало для Киева съ наступленіемъ общей борьбы югозападной православной Россіи противъ латиноуніатской пропаганды, открывшейся особенно послѣ брестской уніи 1596 г. Киевъ, колыбель православной вѣры для всей Россіи и русской государственности, возстаетъ въ своемъ значеніи наиболѣе средоточной опоры православныхъ въ этой борьбѣ, сильной своими древними святынями и надеждою на охрану ея, на охрану вѣры православной со стороны кореннаго русскаго народа, успѣвшаго организовать изъ себя союзную силу въ лицѣ козачества, принявшаго подъ свою охрану и новое киевское братство при церкви Богоявленія. Возстановляется въ Киевѣ подъ охраною козачества и при услугахъ со стороны братства, пріютившаго дорогого гостя патріарха Теофана, православная іерархія въ лицѣ киевскаго митрополита Іова и нѣсколькихъ епископовъ. Это было въ 1620 году, а въ слѣдующемъ 1621 году состоялся въ Киевѣ соборъ новооставленныхъ іерарховъ. Дѣяніе собора, названное „совѣтованіемъ о благодѣтели“, т. е. о православіи, представляетъ замѣчательнѣйшій памятникъ возвышеннаго настроенія іерарховъ въ виду предстоявшаго имъ подвига для защиты, благоустройства и подъема духовныхъ силъ церкви, угрожаемой опасностями. Начиная съ самихъ себя, отцы собора говорили: прежде всего митрополитъ и епископы, архимандриты, игумены и весь священный чинъ должны очиститься отъ грѣховъ и жить цѣломудренно и свято, по правиламъ церковнымъ управлять самими собою, церквами и монастырями; должны искренно, отъ всего сердца любить вѣру восточной церкви и патріарховъ и быть готовыми умереть за эту вѣру; должны ревностно проповѣдывать ее въ церквахъ и по домамъ, и на всѣхъ мѣстахъ, какъ сами, такъ и чрезъ своихъ учениковъ, и повсюду явственно возвѣщать, что вѣра восточной церкви есть истинная, и спасеніе въ ней несомнѣнное, а въ римской церкви

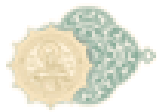
и въ другихъ сборищахъ, отъ нея произшедшихъ, имѣть истинной вѣры; на іерейство посвящать достойныхъ и несомнѣнныхъ ревнителей благочестія даромъ, а не изъ корысти; возбуждать и готовить къ святому мученичеству какъ самихъ себя, такъ и мірянъ, чтобы радостно перенесли за вѣру расхищеніе своихъ имуществъ, притѣсненія отъ властей и оковы и вкушали самую смерть; писать и печатать въ защиту православія книги и до напечатанія представлять ихъ на разсмотрѣніе и одобреніе мужамъ богумудрымъ; *созывать*, по церковнымъ правиламъ, *соборы*, на которыхъ епископы должны прежде сами себя исправлять, а затѣмъ устроить и то, что относится къ духовному клиру и мірянамъ; учреждать по городамъ школы и братства; стараться заблаговременно о достойныхъ и мудрыхъ преемникахъ и имѣть ихъ въ готовности чтобы архіерейскія кафедры тотчасъ же замѣщались, какъ стануть праздными, и преемство епископовъ не прекращалось; не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степеню, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-нибудь напознвали или отъ чего ихъ предостерегали. Послѣ другихъ, обусловленныхъ временемъ, мѣръ къ укрѣпленію и приращенію духовныхъ силъ церкви, отцы собора выражаются еще: „если уже нельзя обращать самихъ папистовъ и ихъ исчадіе; т. е. евангеликовъ, лютеранъ, аріанъ (социніанъ), то по крайней мѣрѣ всѣми мѣрами стараться объ обращеніи русскихъ, отступившихъ отъ православія, и особенно дворянъ, которые, по отступленіи, сильно вредятъ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ¹⁾. Имѣть нужды говорить о высокомъ достоинствѣ и полезности постановленій собора. Благое дѣйствіе соборныхъ постановленій можно усматривать, между прочимъ, въ усиленномъ съ того времени печатаніи, особенно въ Кіевѣ, книгъ богослужебныхъ, учительныхъ, полемическихъ съ болѣе тщательнымъ разсматриваніемъ ихъ до печатанія. Въ

¹⁾ Памятвкя Кіев. Арх. Комм. Т. III. Ч. I. № 32. Кіевл. 1843 г.

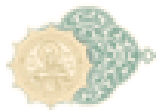

Кіевъ, кромѣ Лаврской типографіи, явились двѣ частныя типографіи Вербицкаго и Спиридона Соболя, дѣйствовавшія при поддержкѣ и самаго м. Іова Борецкаго. Въ лаврѣ энергически вели дѣло книгопечатанія архимандритъ Елисей Плетенецкій, а потомъ Захарія Копыстенскій, авторъ знаменитой „Палинодіи“. Къ сожалѣнію, не всѣ намѣренія и совѣты собора могли осуществиться при тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ церкви. Не могло осуществиться и самое постановленіе объ учащенномъ созывѣ мѣстныхъ соборовъ, ибо новопоставленнымъ іерархамъ предстояло прежде всего ограждать самую правоту своего поставленія, дѣятельность іерархическаго сана, отрицаемая врагами православія и даже правительствомъ польскимъ. Нѣкоторые изъ іерарховъ не могли даже являться въ свои епархіи. Тѣмъ не менѣе м. Іовъ Борецкій, какъ самъ говоритъ въ своей грамотѣ 28 мая 1628 г., „много разъ“ до этого времени созывалъ православныхъ для совѣщаній о дѣлахъ благочестія, хотя собирались на его призывы только немногіе, по труднымъ обстоятельствамъ времени.

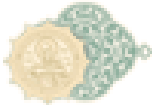
Изъ такихъ соборовъ частныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ послѣ 1621 г., опредѣленно извѣстенъ небольшой *соборъ 8 сентября 1627 г.* Изъ высшаго духовенства на немъ присутствовали только м. Іовъ Борецкій, полоцкій архіепископъ Мелетій Смолитицкій и Петръ Могила, еще не посвященный, но уже предъизбранный архимандритъ печерскій. Рѣчь шла о *катихизисѣ*, который составлялъ насущную потребность церкви, борющейся за свое православіе и составленіе котораго предъ тѣмъ взято было на себя Мелетіемъ. Иногда знаменитый ученостью и краснорѣчіемъ защитникъ православія, теперь, къ великому сожалѣнію, былъ уже тайнымъ увіатомъ. Еще не зная о послѣднемъ, члены собора просили Мелетіа скорѣе представить свой катихизисъ для церковной цензуры, какъ того требовали и постановленія собора 1621 г., чтобы затѣмъ издать столь необходимую книгу. Мелетій согласился, вс. задумавъ уже самое

дѣло о катихизисѣ направить въ тайныхъ видахъ своихъ объ униі, просилъ у собора позволенія издать напередъ свои разсужденія о разностяхъ между восточною и западною церквами, — будто бы для облегченія пропуска катихизиса цензурой. Эти-то свои разсужденія онъ представилъ на соборѣ въ Гродкѣ (на Волыни), явственности, принадлежавшей печерской лаврѣ, состоявшемся въ слѣдующемъ 1628 г. на шестой недѣлѣ великаго поста. На соборѣ прибыли Іовъ Борецкій, Петръ Могила, Исакій Коримовичъ, епископъ луцкій и острожскій, Павсій Писполитовичъ, епископъ холмскій и бѣлѣцкій, и самъ Мелетій Смотрицкій. Представленные собору разсужденія Мелетія о шести разностяхъ между восточною и западною церковью клонились къ мысли о возможности и необходимости примиренія съ униатами и вообще самой униі русской церкви съ римскою. Слѣдуетъ упомянуть, что мысль объ униі, понимаемая въ лучшемъ, безобидномъ для православія смыслѣ, не чужда была и такимъ лицамъ, какъ Іовъ Борецкій и Петръ Могила, какъ не чужда она была въ свое время и такимъ ревнителямъ православія, какъ Константинъ острожскій. Ёще не проникая въ тайные замыслы Мелетія, члены собора сочли возможнымъ допустить обсужденіе вопроса на новомъ большомъ соборѣ. Это былъ *соборъ въ срединѣ августа 1628 г. 28-го мая 1628 г.* М. Іовъ Борецкій изъ своего кафедральнаго Михайловскаго монастыря издалъ грамоту съ приглашеніемъ на соборъ. Онъ напоминалъ, что уже восемь лѣтъ, какъ предъ тѣмъ убогая и осиротѣлая церковь Русская начала утѣшаться своею возстановленною іерархіею, что съ той поры, хотя онъ, митрополитъ, не одинъ разъ призывалъ православныхъ для совѣщаній объ умирненіи св. благочестія, но они еще ни разу не могли собраться со всѣхъ областей, не собирались даже епископы и представители братствъ. Теперь, на этотъ осьмой счастливый годъ, онъ, по изволенію Духа святаго, согласенъ съ епископами, архимандритами и другими духовными и свѣт-

скими лицами, созывает ко дню Успенія Божіей Матери 15 августа полный соборъ и проситъ прислать на него избранныхъ мужей изъ всѣхъ повѣтовъ отъ лица духовенства, дворянства, братствъ и всего народа. Выраженная въ грамотѣ мысль о составѣ собора совершенно согласна съ мыслями, высказанными въ „совѣтованіи о благочестіи“ на соборѣ 1621 г. Въ этой мысли заключалось спасеніе для церкви отъ опасности, могшей грозить ей на соборѣ 1628 г. Ко времени открытія его обнаружилось, что частный авторъ катихизиса поспѣшилъ обнародовать свои подготовительныя къ нему разсужденія подъ названіемъ „Апологіи“, въ которой съ укоризнами восточной церкви греческой и русской проповѣдуется настоящая унія, въ тайнѣ имъ уже принятая, которую желалъ бы опъ навязать и всей церкви русской. Богъ вѣсть, какъ пришлось бы самимъ іерархамъ выйти изъ затрудненія, созданнаго для нихъ и для церкви Мелетіемъ, если бы дѣло православія и церкви не было обезпечено тѣмъ союзомъ представительныхъ силъ ея, какой образовался ко времени собора. Соборъ открылся 13 августа въ печерской лаврѣ. На соборѣ, кромѣ митрополита, присутствовали три епископа: Исакій луцкій, Палсій холмскій и Авраамій пивскій, архимандриты съ Петромъ Могилою во главѣ, игумены, іеромонахи, протоіереи, іереи, также и лица изъ мірянъ. Прочитанъ обвинительный актъ на „Апологію“, который еще напередъ составили подъ руководствомъ м. Іова и Петра Могилы, почтенные своими заслугами и своею квижностію протоіереи Лаврентій Зизаній, авторъ известнаго катихизиса, и Андрей Мужилевскій. Митрополитъ отъ имени епископовъ объявилъ согласіе съ симъ актомъ, которое заявилъ также Зизаній отъ имени пресвитеровъ. Съ прибывшимъ въ тотъ же день Мелетіемъ, не допущеннымъ въ лавру, ведены были въ Михайловскомъ монастырѣ отъ имени собора переговоры сперва четырьмя пресвитерами, въ тотъ самый день, а на слѣдующій день самимъ митрополитомъ съ тремя епископами и нѣсколькими

изъ духовенства, при чемъ протоіерей Мужилловскій обличалъ пункты „Апологии“. Кончились эти переговоры и пренія уже вечеромъ въ лаврѣ, гдѣ въ алтарѣ на всенощной Мелетій подписалъ приготовленную формулу отреченія отъ „Апологии“. На слѣдующій день на литургіи въ большой лаврской церкви, послѣ евангелія, святители съ сослужащимъ духовенствомъ вышли на средину церкви и стали на амвонѣ, и, по прочтеніи отъ имени Мелетія его намѣстникомъ формулы отреченія, Апология предана осужденію и проклятію, листы ея, бывшіе въ рукахъ предстоявшихъ, рваны, жжены свѣчами, брошены къ ногамъ и топтаны, что сдѣлалъ прежде всего намѣстникъ Мелетія, а въ свою очередь и самъ Мелетій. Радость была у всѣхъ, кромѣ Мелетія, уничтожавшаго свое дѣло притворно только, изъ страха. На слѣдующій день засѣданія собора продолжалось въ Михайловскомъ монастырѣ съ участіемъ еще одного ревнителя православія Исаія Колявскаго, архіепископа черниговскаго и смеленскаго. Обсужденъ былъ вопросъ о сборѣ съ православнаго духовенства для вспоможенія правительству на военныя надобности, согласно повелѣнію короля. Составлена и подписана грамота отъ собора ко всему православному народу русскому, удостовѣрявшая объ отверженіи соборомъ всякой мысли объ уніи, и твердомъ стояніи въ вѣрѣ православной, съ призывомъ къ тому и всего народа. Въ такомъ же смыслѣ издана грамота м. лавромъ отъ 24 августа, за тѣмъ составлено описаніе всего, происходившаго на соборѣ, и вмѣстѣ съ упомянутыми грамотами издано въ печати 30 августа подъ названіемъ „Аполліа апологии“.

Значеніе августовскаго собора 1628 г., важное въ цѣломъ ходѣ исторической судьбы западно-русской церкви, обнаружилось ближайшимъ образомъ на событіяхъ, слѣдовавшихъ непосредственно за этимъ соборомъ. Послѣ поспѣшно взятаго назадъ Смотрицкимъ своего притворнаго отреченія отъ уніи, поднялось дѣло о новомъ соглашеніи

православныхъ съ уніатами, настойчиво преслѣдуемое королемъ польскимъ. Для этого имъ предначинанъ общій для тѣхъ и другихъ соборъ въ Львовѣ на 28 октября 1629 г., а для подготовки къ нему особые предварительные соборы уніатскій и православный. Послѣдній назначался въ Кіевѣ. Это былъ *соборъ 29 іюня 1629 г.* Еще въ апрѣлѣ изданы были м. Іовомъ, во исполненіе воли короля, приглашительныя грамоты и письма къ духовнымъ и мірянамъ. Но въ слѣдъ за тѣмъ появились протесты со стороны православныхъ противъ соглашенія съ уніатами и на этотъ разъ, особенно со стороны разныхъ группъ мірянъ. Соборъ однако открылся 29 іюня въ Кіево-Печерской лаврѣ послѣ литургіи въ присутствіи многихъ мірянъ, въ томъ числѣ королевскаго комиссара православнаго вельможи Адама Киселя и знаменитаго ревнителя православія Лаврентія Древинскаго. Послышались изъ народа громкіе протесты противъ всякой мысли о соглашенія съ уніатами и побѣдки на будущій общій съ ними соборъ во Львовѣ; козаки присоединили и угрозы. Четыре дня прошло въ безпокойныхъ сходкахъ и наконецъ митрополитъ и духовенство объявили королевскому комиссару, что не могутъ продолжать собора, а за тѣмъ снаряжены были послы къ королю съ заявленіемъ, что православные не думаютъ участвовать въ львовскомъ соборѣ. Жалкій соборъ этотъ однако же состоялся въ свое время 28 октября 1629 г., давъ поводъ къ праздному витійству іезуита Бембуса и къ другимъ довольно потѣшнымъ выходкамъ латинно-уніатовъ, но оставшійся безплоднымъ, по отказу отъ участія въ немъ со стороны православныхъ, хотя и прибывшихъ въ небольшомъ числѣ ради удовлетворенія волѣ короля.

М. Іовъ Ворецкій могъ, конечно, только утѣшаться обнаружившеюся во время бывшихъ соборовъ твердостью значительной части православныхъ въ преданности своей вѣрѣ и церкви. Имѣлъ и онъ скорби отъ бѣдствій церкви, но предчувствовалъ значеніе выступающей на защиту ея

новой великой силы въ лицѣ Петра Могилы, его друга, которому онъ вручалъ думы свои предъ смертію († 1631 г.). Много сдѣлавъ для церкви въ смыслѣ развитія внутреннихъ силъ ея и въ смыслѣ вѣшняго огражденія ея правъ, признанія которыхъ достигъ на сеймѣ 1632 г. Петръ Могила ознаменовалъ свое служеніе и устройеніемъ соборовъ. При Петрѣ Могилѣ возобновились забытые предъ тѣмъ епархіальныя помѣстные соборы, созываемыя епархіальными епископами. Извѣстны соборы, которые созывали Сильвестръ Коссовъ, епископъ могилевскій и метиславскій, въ 1637 г., Афанасій Пузина, епископъ луцкій въ 1638 г., Арсеній Желиборскій епископъ львовскій 1642 г. Собирали и м. Петръ Могила у себя епархіальныя соборы, какъ ни трудно это было при большой разбросанности участковъ его митрополичьей епархіи, достигавшей Впльва, Минска и Слуцка. Наконецъ онъ замыслилъ устроить общій соборъ. Это былъ

Соборъ 1640 г. Отъ 24 іюня изъ Гродна на Волыни Петръ Могила издалъ окружное посланіе съ приглашеніемъ на соборъ пословъ отъ епископовъ, монастырей, духовенства и братствъ¹⁾. Въ посланіи первосвятитель съ скорбію высказывалъ, что хотя западно-русская церковь остается совершенно вѣрною догматамъ православія, но страдаетъ отъ невѣденія многихъ, отъ беспорядковъ и поврежденій въ обычаяхъ молитвъ и благочестивой жизни, и что для исправленія ея во всемъ этомъ созывается имъ соборъ въ Кіевѣ при кафедральной Софійской церкви къ празднику Рождества Богородицы 8 сентября. Дѣяній собора, къ сожалѣнію, не сохранилось, но они довольно извѣстны изъ упоминаній и рассказовъ о немъ современниковъ²⁾. Къ назначенному сроку прибыли на соборъ послы отъ епископовъ луцкого,

¹⁾ Извѣстны издаваемые списки посланія къ братствамъ луцкому и житомирскому

²⁾ Іоаннѣй Голытовскій упоминаетъ о немъ въ своей книгѣ „Мессіа Правдивый“, стр. 320—321. Кіевъ 1660 г. Подробный рассказъ находится у Кассіана Савковича, сопровождаемый враждебною критикою дѣяній собора со стороны этого отступника православія. Рус. ист. Библи. т. IV, стр. 22—47.

львовскаго, перемышльскаго и метиславскаго (послами отъ первыхъ двухъ были епископы же, оставшіеся безъ епархій, Исаакій Борисковичъ и Авраамій Стагонскій), отъ монастырей, духовенства и братствъ. Соборъ открылся 8 и продолжался до 18 сентября. Послѣ литургіи 8 сентября поставлены были посреди церкви стулья, на которыхъ размѣстились по слѣску: съ правой стороны м. Петръ, за нимъ по обѣ стороны послы отъ епископовъ, за нимъ у праваго клироса Николескій игумень Исаія Трофимовичъ Козловскій, у лѣваго—слуцкій архимандритъ Самуиль Шицкій, за тѣмъ игумены, протопопы, священники. Митрополитъ открылъ соборъ дливною рѣчью, послѣ которой держали рѣчи епископы и благодарили его за попеченіе о церкви. Избравы маршалокъ (распорядитель) собора Самуиль Шицкій и нотаріи или дѣлопроизводители: префектъ кievской коллегіи Іосифъ Кононовичъ Горбачкій и ректоръ Гойцеской школы Нивокентій Гизель¹⁾. Маршалъ собора, занявъ свое мѣсто, предложилъ собранію держать себя трезвенно и помнить часы, назначенныя для засѣданій. 9 сентября послѣ ранней литургіи ректоръ коллегіи Ниватій Оксеновичъ Старушичъ говорилъ проповѣдь, въ которой, кратко обозрѣвъ соборы мнувшихъ вѣковъ, объяснялъ насущную потребность собора настоящаго. Маршалокъ собора объявилъ, что обстоятельство о главномъ предстоящемъ собору дѣлъ скажетъ о. игумень Исаія (Трофимовичъ Козловскій) и пригласилъ внимательно слушать. Послѣдній началъ съ того, что указалъ на невѣденіе многихъ священниковъ, проиходящее отъ недоманія славянскихъ книгъ, на распространеніе католикама, униатами и др. еретиками книгъ, подъ видомъ православныхъ, къ соблазну православныхъ, на отпаденія вслѣдствіе того отъ вѣры, продолжающіяся между ними, и заключилъ, что для помощи православнымъ и успокоенія ихъ митро-

¹⁾ Школа въ Гойцѣ на Волыни, переведенная изъ Вявниці, основана также Петромъ Могилою и существовала къ концу XVIII в.

полить составилъ *Катихизисъ*, который и предлагаетъ собору къ разсмотрѣнію. Составленіе катихизиса было какъ выполненіемъ потребности, возчувствованной давно, со времени собора 1621 г., такъ и дѣломъ защиты православной церкви отъ нареканій и упрековъ ей, вызванныхъ извѣстнымъ „Восточнымъ исповѣданіемъ православной вѣры, изданнымъ въ Женевѣ въ 1629 и 1633 гг. подъ именемъ патріарха Кирилла Лукариса. Предложенный собору катихизисъ подъ названіемъ *Православное исповѣданіе вѣры* былъ съ великимъ стараніемъ обработаннымъ, по почину и подъ наблюденіемъ Петра Могилы, произведеніемъ ученыхъ коллегіатовъ кіевскихъ, главнымъ образомъ самаго Псаія Трофимовича. За рѣчью его и началось на соборѣ чтеніе катихизиса, а потомъ слушали объясненія бывшихъ на соборѣ пословъ до самаго вечера. Съ слѣдующаго дня проходили засѣданія утреннія и вечернія. Наибольше времени, — цѣлыхъ шесть дней изъ десяти, — посвящено разсмотрѣнію катихизиса. Между этимъ и потомъ до конца соборныхъ засѣданій обсуждены были вопросы, касающіеся совершенія таинствъ, братствъ, печатанія книгъ и разныхъ предметовъ церковнаго порядка и дисциплины. Особенно останавливаются вниманіе такія предложенія и постановленія, какъ предположенное опредѣленіе 24 пресвитеровъ въ священнической судъ, чтобы они судили, какъ капитула, возведеніе бывшаго коллегіата, теперь никольскаго игумена, въ степень доктора богословія, безъ сомнѣнія, какъ главнаго автора *катихизиса*, усвоеніе ректору кіевскихъ школъ права служенія съ налицей въ видѣ особеннаго почета ему. Псаія — первый, надолго и единственный доктор богословія въ Русской церкви, въ высокой степени заслуживалъ эту честь. Его катихизисъ, по разсмотрѣніи на соборѣ іерарховъ въ Яссахъ 1642—3 г. въ присутствіи пословъ отъ кіевской митрополіи (Трофимовича, Колоновича и Оксеновича), потомъ на соборѣ восточныхъ патріарховъ, былъ одобренъ тѣми и другими. Издаваемый уже долго спустя послѣ

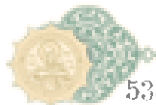
ковчины Петра Могилы, онъ сталъ символическою книгою православной церкви¹⁾. Безъ сомнѣнiя, продолженiемъ начатаго на соборѣ 1640 г. было издание Моголянскаго требника 1646 г. и другiе труды Могилы и его сподвижниковъ, коснувшiеся и текста Библии. Таково неоспоримо важное и благодѣтельное значенiе собора 1640 года.

Послѣ этого опять долго не было въ Кiевѣ соборовъ, что проще всего объясняется войнами Малороссiи, потомъ и московской державы съ Польшею. Были только избирательные соборы при избранiи преемниковъ Петра Могилы на киевской митрополiи. Последнимъ киевскимъ соборомъ былъ

Соборъ 1691 г. 1 марта въ недѣлю православiя, созванный м. Варлаамомъ Ясинскимъ (1690—1707 г.) при Кiево-Софiйской кафедрѣ. Это былъ собственно помѣстный енархiальный соборъ, на которомъ, послѣ митрополита, во главѣ духовенства былъ „митрополитанскiй воевексторiумъ“. Еще звавшiй современниковъ Петра Могилы, благоговѣвшiй къ памяти его, Варлаамъ хотѣлъ какъ бы вспомнить дѣявiя собора 1640 г. Вниманiе митрополита сосредоточено было на подъемъ духовенства монашествующаго и бѣлаго и его нравственно-воспитательнаго влiянiя на народъ, въ особенности при исполненiи высокой обязанности духовничества. Съ этою цѣлю предложены были пречестнымъ протополамъ и честнымъ пресвитерамъ митрополiи десять заповѣдей. Въ первой исчисляются тѣ „падежи“ или особенно тяжкiе грѣхи, которые священники должны переносить (безъ именъ лицъ согрѣшившихъ) на разрѣшенiе архiereю или iереямъ, облеченнымъ для сего отъ него особою властiю. Такихъ тяжкихъ падежей исчислено 24, съ замѣчанiемъ о разрѣшенiи ихъ самими iереями въ случаяхъ особенныхъ (напр., предъ смертiю согрѣшившаго и т. под.). Второю

¹⁾ Замеченiе въ возвратъ съ Востока катихизиса, рассмотрѣннаго на соборѣ 1640 г., побудило Петра Могилу издать его въ сокращенномъ видѣ въ 1645 году.

заповѣдію предлагается игуменамъ въ монастыряхъ, протопопамъ въ протопопійхъ избрать трехъ-четырехъ искусныхъ въ совѣсти и разумѣ іереевъ на должность уполномочиваемыхъ для рѣшенія надежей духовниковъ, съ присякою послѣднихъ къ митрополиту для предварительнаго испытанія и наставленія. Третьею заповѣдію опредѣляется порядокъ избранія собственно іерейскихъ духовниковъ, съ обязательствомъ для іереевъ исповѣдываться ежемѣсячно. Четвертою рекомендуется іереемъ имѣть книгу Пинокентія Гизели „Миръ съ Богомъ и человѣкомъ“. Пятою духовенство предлагается заботиться объ образованіи своихъ сыновей въ надежду священства и присылать ихъ для сего въ кіевскія школы. Шестою строго внушается протопопамъ не присылать съ ходатайствами о рукоположеніи лицъ вѣдостоящихъ, вѣрждь, молодыхъ и под. Седьмою постановляется быть при крещеніи только двоимъ воспріимляющимъ, а не многимъ, какъ вошло въ обычай (по подраженію латинянамъ и уніатамъ), порождающій большія затрудненія при бракахъ (воспріимчество считалось духовнымъ родствомъ). Осьюю заповѣдуются священникамъ дѣлать требуемыя правнами извѣщенія предъ вѣнчаніемъ брачующихся и призывать ихъ въ исполненію за недѣлю предъ вѣнчаніемъ долга исповѣди и св. причащенія. Девятою требуется непременно имѣть при каждой приходской церкви двѣ книги для записей о крещенныхъ и брачующихся, согласно образцу въ требникѣ Петра Могилы. Десятою заповѣдію осуждается закоренѣлый обычай священниковъ то самовольно переходить, то переиhrиваться съ прихода на приходъ. Протопопамъ настоятельно внушается не потворствовать этому обычаю и допускать переходы лишь съ крайнею осмотрительностію. Въ разъясненіе десятой заповѣди приложено къ дѣяніямъ собора особое поученіе о невриличіи и вредѣ вошедшаго въ обычай частаго перехода или „блуканія“ священниковъ съ прихода на приходъ, — поученіе, которое въ пору было бы, кажется, и для нашего времени, въ виду небезъ-

известныхъ затрудненій и докучъ, испытываемыхъ епархіяльными архидиаконами отъ далеко не увявшей охоты къ переходамъ съ прихода на приходъ ¹⁾). Послѣ собора 1691 года былъ еще въ Кіевѣ только соборъ избирательный 1708 года, на которомъ избранъ митрополитъ Іоасафъ Кроковскій.

Съ учрежденіемъ св. Синода, какъ постоянного собора, напоминающаго отчасти *собрѣвъ ѣвѣрѣбѣху* древняго Константинопольскаго патріархата, но организованнаго правильнѣе, повременные соборы въ Русской церкви прекратились надолго.

И. Мальшевскій.

¹⁾ Кіевск. Епарх. вѣдомости 1865 г. № 8.